

дамский детектив

Галина
[РОМАНОВА]

ГРЕШНИЦА
В ШАМПАНСКОМ

Детективная мелодрама

Галина Романова

Грешница в шампанском

«ЭКСМО»

2008

Романова Г. В.

Грешница в шампанском / Г. В. Романова — «Эксмо»,
2008 — (Детективная мелодрама)

ISBN 978-5-699-28999-8

Бизнесмену Дмитрию Кагорову уже сорок пять, а семьи фактически нет. Холодная, эгоистичная жена рядом, без души, без чувств. Надо же было так вляпаться! Все искал, перебирал, отбраковывал. Ему так хотелось чего то волшебного... Вот и получил Снежную королеву. Она чурается его любви, не хочет слышать о детях. О разводе в их случае и речи идти не может: слишком много придется делить. Значит, выход лишь один. Он уничтожит Лилию. И сделает это уже скоро. Тем более что есть альтернатива: Муся, Александра Заболотнева. Правда, Муся замужем, но Кагоров не привык отступать. Чем сложнее задача, тем быстрее он ее решит... Сложно было представить, что авантюрная идея изложить на бумаге придуманную криминальную историю внезапно перерастет во что-то серьезное и станет смыслом жизни. Именно с этого начался творческий путь российской писательницы Галины Романовой. И сейчас она по праву считается подлинным знатоком чувств и отношений. В детективных мелодрамах Галины Романовой переплетаются пламенная любовь и жестокое преступление. Всё, как в жизни! Нежные чувства проверяются настоящими испытаниями, где награда — сама жизнь. Каждая история по-своему уникальна и не кажется вымыслом! И все они объединены общей темой: настоящая любовь всегда побеждает, а за преступлением непременно следует наказание. Суммарный тираж книг Галины Романовой превысил 3 миллиона экземпляров!

ISBN 978-5-699-28999-8

© Романова Г. В., 2008

© Эксмо, 2008

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	17
Глава 4	22
Глава 5	29
Глава 6	31
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Галина Романова

Грешница в шампанском

Глава 1

С раннего утра небо заволокло низкими тяжелыми облаками. Она как раз шла из магазина и все дивилась про себя, потихонечку: ну будто вечер наступил, в самом деле. Ну что за метаморфозы!

Ни одна женщина не имела права на такое количество капризов, которое могла себе позволить природа. Вчера эта самая капризница пригнала откуда-то, с Лапландии быть может, пронизывающий ветер. Еще в начале девятого вечера все казалось тихим и засыпающим, и тут как началось, ветер как взялся метаться меж домами, как начал лопатить редкие горбатые сугробики, которые смастерили трудолюбивые дворники. Вмиг разогнал с неба плотные залежи тихого вечернего ненастья, обнажил мерзнувшие в далеком стылом небе звезды и наобещал на утро такого трескучего мороза, что ей пришлось искать в нижнем ящике комода теплые шерстяные носки.

Любимый Сережка назавтра собрался с мужиками в лес за елками. Говорил, что ненадолго. Что и разрешение у егеря на столе уже неделю лежит. И что будто бы им в лесничестве уже и деревья выбрали, осталось лишь подъехать, чиркнуть бензопилой и уложить все в машину. Мог бы кто-то это сделать и из его подчиненных, но...

Но традиция у Сережки и его друзей была такая – самим ездить в лес за елкой. У кого ведь какая! Кто в баню ходит в канун Нового года. Кто на охоту отправляется или на рыбалку, а они вот за елками ездят. Часа два, говорит, это займет, не больше. Даже озябнуть, мол, не успеет. Да как же, не озябнешь тут при таком-то ветре и морозе!

Утром Сережка на нее руками замахал и отослал куда подальше с шерстяными носками.

– Да у меня, – говорит, – и сапоги-то на них не налезут, чего удумала-то? Ты на термометр посмотри, милая. Какой мороз?!

Термометр и правда показывал всего пять градусов мороза. Может, неисправен? За окном все казалось совсем не таким. И деревья, запрокинув ветки в небо, метались с неистовым деревянным стоном. И солнце, неоновое декабрьское солнце, слепило в бледно-голубом небе именно так, как бывало только в крещенские морозы. А тут – всего лишь минус пять! Как-то не верится...

Носки все же тайком всунула в рюкзак, к дежурной фляжке с коньяком и жестяной коробке с бутербродами. Ничего, если промерзнет, не дай бог, найдет – лишь обрадуется. Невелика ноша, да и не на себе нести. Все на машинах, которые больше танки ей напоминали.

Мужа проводила, сверила новогодний список с содержимым холодильника и шкафов и засобиравшись в магазин. Пора было покупать мандарины и копчености, до праздника оставалось три дня, самое время.

Все купила в магазине неподалеку, без очередей, без гвалта, без нервотрепки, хвала небесам и правительству. Она считала, что именно так все и обстоит, что только оттуда все блага, не особо прислушиваясь к гневной критике оппозиции и атеистов.

Вышла из магазина, направляясь домой, и тут как раз и поволокло на небо этот серый холодный сумрак. Не будь ниже нуля, так бы и подумала, что дождь сейчас польет. И снова тихо сделалось. Будто город их кто решил ватным тампоном прикрыть. Огромным ватным тампоном грязного серого цвета. На душе тут же сделалось неуютно так, и захотелось скорее

домой. Где просторные теплые комнаты, красивый пол с подогревом, толстые ковры, где дорогая удобная мебель и очень дорогая посуда, мыть которую она в первое время отчаянно боялась: как бы не разбить. Сережа посмеивался и советовал не бояться, мол, еще купим. А она все равно опасалась. Да чего там посуда! Она и по полу-то в первое время с опаской ходила. Все удивлялась, что это за пол такой, из щелей которого не сквозит?! А вместо этого приятно греет ступню, и можно даже зимой ходить по нему босиком и без опасения развалиться на нем перед камином.

Сережка так часто делал, подкладывая под голову огромную мохнатую игрушку-собаку. Заваливался на пол и смотрел сквозь ленивую дрему на пламя. Он на пламя, а она на него. Что красивого в пламени том? Насмотрелась она на него в детстве и юности. Костры через день жгли во дворе, чтобы картошки напечь, чтобы просто согреться, и от нечего делать жгли. Чем еще-то себя занимать было? Не в подвале же на трубах клей нюхать, пока мать на смене? Уж лучше возле костра...

– Здравствуйте, Надежда, – чопорно поприветствовала ее консьержка.

Тут же покосилась на нее с противным значением из-за стеклянной перегородки своей конторки и снова уткнулась в вязание.

«И что можно было вязать так долго и так постоянно?» – с раздражением подумала Надежда, неторопливо подходя к лифту. Ведь смена за сменой, день и ночь через двое, вяжет и вяжет, вяжет и вяжет! И ладно бы что-то разное, а то все одного какого-то грязного серого цвета, как те вздувшиеся ватные облака теперь на улице. Может, вяжет, потом распускает, и снова вяжет, а? Чем не занятие для старой перчатки?

Консьержка ее не любила. Надежда спинным мозгом, всеми своими жилами это чувствовала. Не любила не за что-то, а просто так, из желчной зависти, что девке этой – Надежде то есть – вдруг повезло выйти очень уж удачно замуж, а кому-то – более достойному, может, даже ее дочке, внучке и так далее, не повезло. Мыкаются в девках, бедные, а могли бы вполне и в шубах таких же щеголять, и уши с пальцами украшать камушками сверкающими.

Надежде всегда казалось, что эта пожилая женщина постоянно думает о ней именно так. Как вот только остановится ее мутноватый, заезженный постоянным вязанием взгляд на ней, так и вспыхивают в старческом мозгу воспаленные завистью мысли.

Ах, да ну что там говорить о посторонней тетке, если своя собственная родня злобится и шипит время от времени за ее спиной! Мать и та неделю назад, когда они встретились случайно у метро, оглядела ее с прищуром, пощелкала пальцем по пуговице на новой меховой куртке и проговорила с укором:

– Богатая ты, Надька, стала. Смотри, как бы не зажратья тебе!

– Ма, ну ты чего, а? – Надежда сразу расстроилась. – Мам, ну ты-то чего? Ладно другие...

– Да так я. У Стаськи сапоги разорвались вдырг, новые купить не на что, а ты на каждый день недели разные меха надеваешь. Нехорошо, дочка. Надо родне-то помогать. К кому, кроме родни, потом придется голову приклонить? Помогать надо родне.

– Ма, ну как?! Ну ты-то чего, а?!

Стаськой звалась ее младшая сестра Таисия. Была она всего на три года младше Надежды, но намного выше и намного красивее ее, как считала сама Таисия. Но вот везением ее бог обделил. А сестрища удачливая все чего-то с помощью медлила и все никак не хотела вникать, что с богатого мужа нужно тянуть, тянуть и тянуть, пока он еще любит, дорожит и все такое.

А Надежда не могла тянуть, не хотела вникать и считала, что помогать за счет Сережи своей родне – это очень неприлично. Он работает от зари до зари, а Стаська вместо того, чтобы о своем будущем думать, скитается непонятно где.

Мать ладно, она вне упреков. Работала всю жизнь медсестрой в хирургическом отделении. Ишачила иной раз подряд по три смены за приработок. Так уработывалась, что однажды труп от живого человека не могла отличить. Чуть с работы не вылетела, когда хотела покой-

нику после остановки сердца капельницу поставить. Оставили из жалости и уважения к многолетней пахоте доработать до пенсии.

А Стаська...

Поступила в институт, бросила через год. «Не мое», – говорит. Поступила в колледж какой-то, снова бросила. Снова не ее. Устроила ее мать на работу, к какому-то уважаемому богатому бывшему пациенту, оперировавшемуся в их клинике. Выдержала три месяца. И теперь мотается где-то целыми днями, обувь рвет, как считала Надежда. Толку-то, толку-то никакого не было от ее мотаний и скитаний. Одни амбиции и желания неумные. Да и еще зависть к более удачливой сестре.

– Денег я просить у Сережи не стану, – категорически заявила Надежда в ту последнюю встречу с матерью. – Это неприлично, ма. Я и для себя-то ничего у него не прошу!..

Мать повернулась и ушла, и больше не звонила, а когда Надежда сама позвонила и начала осторожно выведывать у нее про их с сестрой планы на новогоднюю ночь, категорически отрезала:

– Наши планы с вашими никак не пересекаются, дочь.

И бросила трубку. А Надежда, если честно, первый раз вздохнула с облегчением. Ну наконец-то! Наконец-то ей не придется разрывать себя между любимым мужем и своей родней за праздничным столом. Не нужно будет отвлекать Сережу, когда Стаська вдруг нечаянно или нарочно рыгнет. Не нужно будет бояться скользких, неприятных тем и смеяться наигранно, когда мать примется собирать со стола кости и объедки для своего кота. А потом, после их ухода, не нужно будет лихорадочно искать ответы на недоуменные Сережины вопросы.

Они встретят вдвоем этот Новый год. Так они решили. Правильнее, втроем. Но их третий еще очень, очень крохотный. Он только успел зародиться внутри нее. И зарождение его стало для них такой неожиданностью, таким счастьем, что они решили ни с кем этой праздничной ночью не делиться. Только она и он, только вдвоем, только вместе.

– А все остальное пусть катится к черту! – счастливо смеясь, проговорил Сережа, целуя ее живот. – Всё и все, Надюша! Только мы, и больше никого! Мы даже говорить никому ничего не станем. Пока не станет заметно. Идет?

Она кивала, соглашаясь.

– Как станет заметно, тогда и скажем всем, а пока, тьфу, тьфу, тьфу, чтобы не сглазили!

«Чтобы не сглазили, чтобы не испортили счастья», – добавила она тогда про себя. А потом будь что будет!

Бронированная дверь их квартиры мягко щелкнула, закрываясь за ее спиной. Вот она и дома, хорошо. Сейчас повесит шубку в шкаф, сапоги поставит в тумбу для обуви, уложит мандарины и копчености в холодильник. Вскипятит чайник, встанет у окна и будет смотреть на широкий двор. Можно взять печенье из вазочки. Нет, лучше не надо. Его следует есть над столом, нароняет крошек на пол возле окна, босиком не пройтись. Только пол протерла перед уходом. Ничего, обойдется одним чаем, без печенья. Из той самой кружки, которую на такой вот одинокий случай держала в самом дальнем углу шкафа.

Кружка была дешевой и большой, в нее не приходилось доливать кипятка, и за нее не страшно. Если разобьется, так ничего, это не чашка из дорогого фарфорового сервиза.

Надежда поставила чайник кипятиться и пошла переодеться для дома.

Темные трикотажные брюки, легкая кофта с рукавами, под нее тонкая футболка. Домашние туфли на небольшом каблучке. Все это, может, было ни к чему, она понимала, да и Сережка посмеивался. В доме было очень тепло, и можно вполне щеголять в шортах и шлепать босиком, но...

Это было частью ее ритуального домашнего счастья. Именно так были одеты красивые женщины из рекламных роликов, которые потчевали своих дорогих мужчин в дорогих своих и

ухаживаемых домах. И именно так, она решила давно, она будет выглядеть, если все у нее такое состоится.

Состоялось. И теперь, хотелось ей того или нет, марку нужно было держать. Обещала же самой себе, зарок надо держать, чтобы, тьфу-тьфу-тьфу, ничего другого худого не случилось.

Чай в ее дешевой большой кружке был очень дорогим и ароматным. И он, благоухая, словно укорял ее за то, что она подобрала для него недостойную керамическую оправу. Его следовало подавать непременно в дорогом фарфоре. Того требовали правила, о том гласил ритуал. А она...

Она бунтовала тихонько и с непонятным легким злорадством всякий раз заваривала его именно в той самой дешевой огромной кружке, о существовании которой Сережка не подозревал. И наблюдала с удовольствием, как отдает кипятку свой цвет и аромат капризный дорогой чайный лист.

Все ведь можно было смешать, все условности и правила, стоило только захотеть, не так ли! Ее Сережке тоже жужжали в уши, когда он собрался жениться на ней – на простой студентке без роду и племени. Десятки раз проводя сравнительный анализ явно не в ее пользу. У него Гарвард, а у нее?! У него знание четырех языков, а у нее один со словарем?! У него четыре небольших преуспевающих строительных фирмы и два строительных магазина, а у нее лишь пара осенних ботинок с оборвавшимся шнурком на одном. У него элитная квартира в центре города и недостроенный дом за городом, а у нее с матерью и сестрой проходная двушка в хрущевке. Наконец, его родители были потомками знатных родов, а у нее мать – совсем простая женщина!

Оправа должна была соответствовать драгоценному камню, и наоборот! А в ее случае – битое бутылочное стекло, вспыхивающее лишь в луже...

Она все это выдержала. И жужжание за их спинами, и откровенные укоризненные взгляды его родителей, и неприятие ее во многих домах. Все выдержала с достоинством, продолжая кротко улыбаться в искореженные гневом физиономии, хотя хотелось орать, рычать и рвать эти лица в клочья.

И ведь победила, черт побери! Заставила и принимать ее в тех самых домах, куда раньше вход был заказан, и улыбаться ей в лицо заставила, и шепот приглушила со временем за их спинами.

Упорство и труд все перетрут, не так ли? И она упорно трудилась для того, чтобы стать тем самым ограненным алмазом, способным соответствовать ее Сережке. Нет, не так. Она не стала им, она просто научилась им казаться, вот! И заставила всех видеть это, как заставляла всякий раз распускать дорогой чайный шлейф капризного напитка в дешевой глиняной посуде.

Пусть думают о ней теперь именно так, как ей хотелось. И пусть думают, что ее действительно приводят в восторг подлинники великих живописцев, когда она с умильным интересом смотрит на них и щебечет об этом и щебечет.

А ее, черт побери, совершенно другое приводит в умильный восторг, совершенно другое! Суетливая возня пожилых соседей с их половиками во дворе способна скорее прослезить ее, чем поворот головы застывшей на холсте много веков назад герцогини.

Она рассуждает, как плебейка? Она и есть плебейка, ну и что! Зато какого мужика ухитрилась отхватить, как скрипнула бы зубами Стаська. За ним стадо невест ходило, а пленить одной только Надьке и удалось. Что он в ней рассмотрел, интересно?

«А может, то и рассмотрел, – думала Надежда про себя, – что она способна, как вот теперь, смотреть на суетливые движения стариков во дворе и с умилением мечтать».

Вот пройдет много-много лет, и они с Сережкой так же, как эти двое – тетя Шура и дядя Володя – в канун Нового года выйдут в их двор и станут трясти гобеленовые покрывала, ухватившись артритными пальцами за четыре конца. А затем постелят на снег половички из

ванной и туалета и станут швырять на них снег и сметать его потом веником, деловито подгоняя друг друга.

Хотя швырять теперь снег не было нужды. С толстых хмурых облаков посыпало так густо, что через пять минут Надежда уже не смогла рассмотреть крошечные фигурки пожилых соседей со второго этажа их подъезда.

Чай в ее кружке закончился, а она все не уходила от окна, наблюдая за снегом.

Он валил крупными хлопьями, будто кто-то сидел сейчас там наверху и неистово рвал от огромного ватного тампона куски и сбрасывал их на землю. Ей даже захотелось открыть окно и потрогать рукой летящий с неба снег, так он походил на ватные комочки. Такими ее мать обычно унизывала их новогоднюю елку, притащив с работы вату. Она становилась подле елки на табуретку, поднимала руки повыше с зажатым в них ватным куском и принималась отрывать от него крохотные комочки и швырять их беспорядочно на игольчатые лапы.

Сейчас снег летел с неба строго упорядоченно. Она даже не смогла заметить, чтобы один снежный комок налетел на другой или столкнулся с ним, и ложились они очень ровно, без суесть и хаоса. Подоконник за их стеклом очень быстро обрастал снеговой шубкой.

Все ровно, методично и по порядку...

Так именно все должно было быть и в их с Сережкой дальнейшей жизни: всегда ровно и по заведенному порядку, без хаотичного мельтешения, без болезненных суетливых взрывов. И если уж им и суждено под Новый год что-то вместе обметать на снегу, то пускай это будет меховая подстилка их огромного пса, охраняющего их огромный загородный дом. Никакой гобеленовой дешевой пошлости.

Это она так, чуть расчувствовалась под методичный снеговой полет. Умиляли ее, конечно, старики, слов нет как умиляли, что дожили вместе до золотой свадьбы, что без нервов и без упреков занимались вдвоем предновогодней уборкой, и о золотой свадьбе с Сережкой она тоже мечтала, но...

Никакой больше нищеты! Никакой и никогда! Она сделает все ради этого, и на многое пойдет, и станет хранить в своем сердце любые страшные тайны, лишь бы больше никогда не дуло из-под пола ей на пятки. Лишь бы не обворачивать ступню целлофановым мешком, когда протекают сапоги. И чтобы не драться со Стаськой из-за прожженной ею дырки на твоей новой кофте.

Никогда! Ни за что! Она готова ради этого на многое, если не на все...

Глава 2

Эта выскочка с красивым гордым профилем снова торчала возле своего окна, прихлебывала чай, и снова ее безмолвное спокойное созерцание приводило Александру в тихое глухое бешенство.

Что она возомнила о себе, интересно? Эта девка без роду и племени, достоинством которой была одна-единственная смазливенькая молодость, что она о себе возомнила?!

Ходит по их двору, с достоинством королевы таская на плечах дорогие шубы, никого и ничего перед собой не замечает, здороваются так, будто одно ее слово стоит целого состояния! Без особой нужды трясет левым запястьем, посматривая на часы, для чего?! Для того, чтобы все видели три ее бриллиантовых кольца и золотые часики на золотом браслете?! Целует своего мужика на виду у всех возле его машины, для чего?! Для того, чтобы ей все завидовали? Для того, чтобы уколоть кого-то?

А вот смотрите, как я счастлива, смотрите, как у меня все отлично, смотрите, как мы любим друг друга...

Так, что ли? Для этого, что ли, весь этот дешевый театр под их окнами в их общем дворе разыгрывается?

Господи, какое дерьмо! Какое откровенное дешевое дерьмо!

Она – эта девка – откровенно полагает, что заполучила такого удачливого мужика себе в мужья на всю оставшуюся жизнь?! Что они станут жить долго и счастливо и умрут в один день?! И что и в радости и в горе будут вместе, пока смерть не разлучит их?! Она – эта дешевка с красивым гордым профилем – в самом деле думает, что так всегда и будет?!

Идиотка!!! Пустая напыщенная идиотка!!! Идиотка, не способная понять, что... что так не бывает в этой говенной жизни! Не было еще ни с кем и никогда ни у кого не будет! И Сереженька ее не станет всю оставшуюся жизнь тискать в своих сильных красивых ручищах только одно тело! Тискал до жены сотни других и столько же станет тискать после! Нет, может, он ее и не бросит – девку-то свою. Может, и проживет с ней до старости, и будет спать и пердеть с ней под одним одеялом еще много-много лет, но...

Но что изменять своей молодой жене он станет уже очень скоро, Александра не сомневалась.

Ну ладно, может, и не очень скоро, когда-то еще на личике его Надьки появятся первые признаки увядания. Но вот когда появятся, и когда он впервые обратит на них внимание, тогда берегись, симпатичная молоденькая тварь. Тогда-то и придет конец твоему счастливому щебету.

Года два-три, максимум четыре нужно на все это дерьмо.

На какое?

Да на такое, когда у мужика вдруг обнаруживается сонливая пресыщенность одним телом. Когда ей из кожи вон надо вылезать, чтобы у него на нее встал. Тут много всяких средств бывает нужно: от ажурного белья до плетки. И приходится выдумывать, изворачиваться.

Вот вылезает она, стало быть, вылезает из кожи вон, стараясь расшевелить его окаянный отросток, бьется над ним, бьется, а того не знает, что и это исчерпает себя уже очень быстро. Что и кружево ее надоест ему, и что задницу под плетку всякий раз подставлять ему западло станет, и что напиток ее любовный наутро изжогу вызывать будет. И захочется ему простую дешевую девку прямо в коридоре на подоконнике, прямо в кабинете на столе, прямо все равно где, лишь бы ЧУЖУЮ и МОЛОДЕНЬКУЮ!

А после понеслось, поехало, возрастной ценз на секс давно уже опустился до самого нижнего предела. Стало быть, моложе той молодой будут еще моложе, и так далее, и так далее, и так далее.

Все это Александра уже проходила и пережила. Обо всем этом знала не понаслышке. А ведь и старалась, и мудрила, и хитрила, и ужом извивалась, все бесполезным оказалось! Все равно выселил свою начавшую дряхлеть и покрываться морщинками супругу ее муж с модного шоссе в эту пускай и элитную, но трехкомнатную квартиру.

– Муся, ты же умненькая девочка, – бормотала лысая скотина, периодически заваливая к ней под утро после девок. – Ты же понимать должна, что в доме тебе не место! Там мои цыпочки день и ночь ножками дрыгают. Они станут тебя раздражать, мешаться. Живи тут, Муся...

Она и жила. Не роптала. И стол к его приходу накрывала. И даже спать укладывала, когда лысая скотина вдруг способна была ее возжелать.

А как возмутишься-то, если она целиком и полностью от него зависела? Просрала в свое время состояние отца, передоверив мужу – этой лысой скотине – ведение всех семейных дел. Он и подгреб все под себя. И оставил ее пускать слюни на глупое молодое прошлое: могла бы в руках его держать, как бы не была такой душой, упустила шанс, теперь чего же...

Об этом всегда говорил ей его отвратительно проникновенный взгляд, когда он совал ей в руки конверт с содержанием на неделю. Об этом в один голос говорили ей ее подруги.

Хотя какие к хренам подруги! Суки одни рядом, а не подруги. «Ты, – говорят, – Санька, сама виновата. Ни к чему было тебе, – говорят, – так перед ним стелиться да любовь свою ему дарить всю без остатка. Пресыщаются, мол, они очень быстро – мужики-то».

Нет бы поддержать ее в тяжелую годину. Нет бы понять так же да поскулить, сидя рядышком с ней на ее мягких кожаных стульях в ее столовой.

Что ты! Им только дай заклеить да на путь истинный направить. Тоже еще наставницы! У одной мужик – в четвертом поколении алкаш, пропивает почти все, что зарабатывает. Кому такой нужен? Кто на такого позарится? Только одной жене и маяться и век доживать с ним.

У второй – уже шестое дело открывает, да всякий раз разоряется. На такое счастье тоже не много желающих.

Вот им и всласть ее поучить, как с мужиками надо управляться, а за глаза-то небось злорадствуют, что ее благополучию конец наступил. Одно дурам невдомек, что она из своего поражения вышла если и не с достоинством, то, во всяком случае, не нищей. А они что? Они по-прежнему копейки считают и мужей своих с попоек ждут до утра до самого. А ее скотина лысая...

Будто услышав, он тут же позвонил на мобильный и зажурчал, гад, зажурчал:

– Муся моя, привет.

– Привет, любимый, – приглушив скрежет зубовой, кротко ответила Александра.

– Чем занимаешься?

– Чем я могу заниматься, душа моя? Жду тебя!

– Ждешь? – он недоверчиво хмыкнул, что-то сострив тут же про деньги.

– Конечно! Я всегда тебя жду. Тебя и только тебя, ты же знаешь!

Здесь она мало врала даже самой себе. Кроме ее муженька, ей вряд ли теперь кто был нужен. С ним было привычно, удобно, и если приходилось притворяться, то тоже привычно, без особых изысков. Он, хоть и понимал прекрасно всю игру жены, принимал ее и ценил по-своему. Считал, что лучше уж пускай своя выкручивается, чем чужая.

– Слушай, Муся... – лысый хрен отвратительно замолк на минуту, не иначе пакость какую-то очередную для нее уготовил. – У тебя какие планы на новогоднюю ночь?

– Ох, ну какие у меня могут быть планы, любимый? – она коротко хихикнула, тут же насторожившись и соврав: – Дома сидеть буду возле телевизора с бутылкой шампусика.

На самом деле она собиралась кое-куда наведаться, и даже платье уже приготовила и записалась на прием к косметологу и парикмахеру, выложив за предварительную запись неслыханную по ее теперешним доходам сумму.

– Ага, – муженек тут же обрадовался. – Коли никаких планов у тебя на встречу Нового года нет, хочу тебе кое-что предложить.

– И?

В душе заныло, ох как в душе тут же заныло! Неужели свершилось?! Неужели пресытился старый кот молоденькими кисками? Неужели захотелось домашнего уюта в домашних тапках и пижаме под ее обворожительный треп про его необыкновенные достоинства? Да она...

Да она прямо хоть сейчас! Прямо сию минуту в сапоги впрыгнет и пешком до дома попрется, куда ей теперь путь был заказан.

– Есть один человек, он... Как бы получше высказаться... – муженек замялся, не зная, как подступиться и поделикатнее изложить ей свою просьбу. Потом со вздохом сказал, как есть: – Короче, мне нужно, чтобы ты взяла на праздник шефство над ним.

– Оп-па! – не хотелось, да просквозила в ее возгласе насмешка. – Что так, милый? Ему что, сто два года?

– Почему сто два? Нет. Ему даже чуть меньше, чем мне. На пяток лет даже, пожалуй.

– Ну!

– Чего «ну», Муся?! Чего «ну»?!

И он тут же с раздражением начал выговаривать ей, что не так часто просит ее о чем-то. Что за те блага, которыми он ее осыпает, она могла бы и не рассуждать.

А ведь совсем забыл, гад, что эти блага изначально были ему ее папкой дадены. И что если бы не отцовский бизнес, который они унаследовали, сидеть бы ему по-прежнему в своем селе под Рязанью. И жрать картошку с бочковыми помидорами и селедкой ржавой из местного сельмага.

Да разве скажешь! Обидится. Она раз сказала, и чем это закончилось? Выселением, вот чем. Выселением ее в эту квартиру. А ведь и сказать-то тогда посмела...

Нет, не сказать. Поставить ультиматум она ему посмела: или я, или твои проститутки! Он ухмыльнулся паскудно и послал ее вон, предпочтя тех самых, о ком она высказаться посмела с презрением.

Так что лучше уж принимать все его условия, причем с благодарностью.

– Да я ничего, любимый, – заворковала она с волнующей игривостью. – Просто удивляюсь...

– Удивляется она! – фыркнул благоверный, перебивая. – Чему удивляешься-то, Муся?

– Ну как... Вам же все молодых и загорелых подавай. А я что?

– А ты что?

– А я – помятый изрядно второй сорт. – Александра с печалью глянула на себя в большое зеркало на стене, потерявила начавшие обвисать щеки. – Причем очень изрядно помятый, милый.

– Да ладно тебе, Муся. – Супруг заметно расслабился, хохотнул утробно. – Ты в полу-темной комнате да на кровати еще очень даже ничего.

– А мне что, с ним спать придется?! – снова ахнула она, изменив их общим правилам.

– А ты против? – изумился лысый хрен, совершенно, причем, искренне. – Чё такого-то, Муся? От тебя убудет, что ли? Давно уже без мужика, а тут так подфартило. Чё ты?

– Нет, ну ты вообще... – горький комок жгучей обиды встал в горле, хоть реви в голос.

Дожила, что называется! Ее муж, который даже не удосужился с ней развестись до сих пор, хочет положить ее в чужую постель!

– Ты же знаешь, что я ни с кем, кроме тебя, любимый! – проникновенным шепотом соврала она. – Как я могу?! Он что, извращенец?

– Почему?

– Нет, ну мне сколько лет?

– Не так уж и много, сорок пять всего лишь.

– Ну! И ему столько же, если верить тебе. Почему тогда ему с молодыми кокотками не трахаться?! Чего его на старух потянуло?! Извращенец, я спрашиваю?

– Ну ты и сказала, – неуверенно рассмеялся ее муж. И тут же начал выкладывать карты на стол. – Понимаешь, мне его нужно во что бы то ни стало заполучить как компаньона. А он неприступен! Выпал случай вместе отметить Новый год. Он вроде не против, только при условии, что для него пригласят женщину-ровесницу. Говорит, от молодых жоп оскомины. А у меня никого из знакомых твоего возраста. В том смысле, что никого, кто так шикарно для своих лет выглядит, Муся! Ну выручай!

Подобный комплимент от него дорогого стоил. Артачиться дальше значило поссориться. А этого допускать было нельзя.

– Черт с тобой, старый хрен, – проворчала она, вспоминая былую манеру их общения, когда еще можно было называть так друг друга в шутку, ничуть не обидев. – А чего же дожили-то до такого, мужики? Почему так молодухи-то надоели? Глуповаты или уже не получается с ними ничего, нужно, чтобы тетушка постаралась?

– У меня все получается, – тут же надулся он. – И мне не надоели. Но тебя прошу об услуге. Поверь, озолочу!

– Кстати, насчет озолочу. А в чем мне идти? И куда? Куда мне отправляться в гости?

– Насчет в чем, не беспокойся. Заеду через час, завезу деньги и визитку оставлю одного модного нынче стилиста, подберет что-нибудь тебе по вкусу и возрасту. А насчет куда?... – муженек подозрительно помедлил с ответом, потом огорошил: – Придется тебе, милая, в свой бывший дом в роли гостьи пожаловать.

– В дом?! Бывший?! Гостьей?! – огромное зеркало тут же подло поймало глубокие скорбные складки вокруг ее рта. – А... А как же... А кто же там в роли хозяйки выступит, милый?!

– Нет, ну какая тебе разница, Муся?! – так заорал ее муженек, что у нее ухо тут же заложил. – Кто в роли хозяйки?! Мне без разницы, чей подол будет возле моих коленок трепаться в эту ночь, поняла?!

– Поняла.

– Так ты согласна или нет? Мне заезжать? – уже чуть тише уточнил он.

– Заезжай.

За час, предшествующий его приезду, она успела вымыть волосы, взбить их и уложить наверх, как он любил когда-то. Хотела подкраситься, потом передумала. Зачем? Ему-то зачем? Переодеваться тоже не стала, оставшись в домашнем халате. Шелк все же, не старый сатин в цветочек. Поставила на огонь чайник, наделала бутербродов с черной икрой. Любил ее лысенький побаловать себя икоркой, считал, что мужских сил с нее прибавляется. И хотя силы эти не на нее были рассчитаны, она исправно потчевала его икрой. На его же деньги было куплено, ей жалко, что ли?

Явился, как всегда, минута в минуту. Швырнул на изящный столик в прихожей свой объемистый портфель, выдохнул с усталостью изможденной в борозде лошади и тут же поинтересовался ворчливо:

– Пожрать есть что-нибудь?

– Конечно, дорогой.

Она пошла в кухню, завилая по привычке бедрами, хотя знала, что до ее кривляний ему нет никакого дела. Особенно когда он такой вот – смурной и брюзгливый.

Дождалась с его плеч пиджака себе на руки, повесила на спинку стула. Поцеловала в лысую маковку и принялась хлопотать. Чай непременно в стакане и бронзовом подстаканнике, фишка у него такая осталась с нищенских рязанских времен. Бутербродики с икоркой, тонкие ломтики твердого сыра и прозрачные лепестки сырокопченой колбаски. Ничего сладкого либо мучного ее муженек не признавал и признавать не собирался впредь. Говорил, что пирогами с детства у него вся требуха была забита, потчевали мать с бабкой.

Сграбастал стакан, отхлебнул с протяжным хлюпаньем и тут же впился ровными крепкими зубами в бутерброд, замычав и замотав головой от удовольствия.

– Молодец, – похвалил он минут через десять, насытившись. – Кстати, неплохо выглядишь, Муся.

– Спасибо. – Александра села к нему вполоборота, спустив полу халата с коленки, и тут же затрясла ногой, пытаясь сдвинуть ткань еще выше. – Итак, любимый, если ты насытился, может, ответишь мне на пару вопросов?

Любимый набычился сразу, засопел и глянул так, как глядел в прежней жизни наутро после загула. Отвалила бы ты, мол, и не лезла в стонущее с похмелья нутро.

– Чего надо-то? – молвил он наконец, слегка отпустив галстук и ремень на брюках.

– Кто он? Только вот не надо так брови делать, Вить! – прикрикнула она на него, заметив деланое изумление на его лице. – Кто этот хрен, под которого ты собрался подложить свою старую, брошенную тобой жену, ну?!

Витя поморгал белесоватыми ресницами, пожевал полногубым ртом, подергал заматеревшими плечами и проговорил нехотя:

– Между прочим, ты мне потом, может, еще и спасибо скажешь.

– Да ну! Это за что же?!

Все, халатик с ноги сполз окончательно, обнажив ее неприкрытую бельем плоть. Не носила она белья дома, дура, что ли! Кто ее тут видит? А Витька давно уже все рассмотрел и охладел давно. Правда, нет-нет да косился, похотливый козел. Как вон теперь. Стоило телу ее оголиться, тут же глазами и носом повел.

– Так за что я тебе должна спасибо сказать, Витек? – Александра шутливо шлепнула его по протянутой к ее ноге руке.

– Эх, Муся... – он сунул руки себе в карманы брюк. – А спасибо скажешь. Поверь мне. Мужик в порядке. Видный. Правда, усталый какой-то, издерганный. С женой у него, что ли, проблемы.

– У вас у всех с женами проблемы! – фыркнула она весело и подмигнула ему. – И все вы от них устаете со временем. Пока они молоды, так все в порядке...

– Ну, завела ту же песню, – перебил он ее с усталой мимикой. – Да молодая у него жена, молодая.

– Почему тогда? Деньги с него теребит?

– И деньги сама делает. У нее самостоятельный бизнес. И красавица, хоть завтра на обложку. А вот что-то не то! Я однажды при их встрече присутствовал, так со стороны и то заметил, как у него скулы свернуло от ее поцелуев. Я-то тебя, к примеру, до сих пор целую с удовольствием, Муся, – его глаза снова зажглись похотливым огнем. – Может, чего придумаем, а, детка?

Ну не отказывать же было родному мужу, тем более что конверт с деньгами он пока не торопился выуживать из своего надутго портфеля. Пришлось тащить его в спальню и предаваться бурной страсти, которой за минувший месяц скопилось хоть отбавляй. «Не убудет», – всегда думала она, лаская предателя. Сегодня, правда, не одним этим ее мысли были заняты в процессе представления под названием «Я все еще люблю тебя, милый». Сегодня без конца и так не ко времени выскакивали шальные мыслишки о том, а так ли уж хорош ее новогодний мужик? А сумеет она ему понравиться или нет? И сможет ли потом действительно сказать лысому хрену спасибо за такое-то знакомство?

Тот, хрыч старый, будто в мозгах ее ковырялся, пока в постели тискал. Только успел отдышаться, тут же проворчал с неудовольствием:

– Еще ломается, пенек вологодский! Он мне еще за тебя калым заплатить должен! За такую-то жгучую бабу!

– Это кто, Вить? – спросила она словно сквозь усталую дремоту, а сама напряглась тут же до остановки дыхания.

– Да про этого... Про Митьку Кагорова. С которым ты должна будешь под елкой плясать.

– Он Дмитрий, стало быть? Дмитрий Кагор, так? Вологодский молочный король?!

– Он это, голубушка, он самый! Знаешь, что ли, его?

– Да нет, слышала просто. Кто же в наших кругах лясы не точит про конкурентов и соратников! Вот и о нем пару раз с девчонками разговор вели.

– Да? И что они о нем сказали тебе, Муся? – будто бы с ревнивыми нотками в голосе спросил Виктор.

– Красив, как ангел. Зол, как тысяча чертей. И беспощаден.

– Вот-вот, в самую точку, – он даже чуть всхлипнул, или снова показалось. – А беспощадность его мне ой как не нужна, Муся! Иначе мне кранты. А за мной и тебе. Так что ты уж Митеньку-то ублажи, будь ласкова. Уж постарайся, Муся! Хорошо постарайся...

Глава 3

Он старался! Он изо дня в день старался искренне, честно и преданно любить свою жену! Каждое утро он просыпался раньше нее, подолгу лежал без движения и смотрел, как она спит.

Наблюдал беспристрастно, честно! И красоту ее не мог не видеть, и придраться вроде бы было не к чему. Ведь даже спала она очень красиво и утонченно. Аристократизма было, ложками черпай, в том, как осторожно вздымалась ее грудь от дыхания, как располагались ее нежные пальчики поверх одеяла, а уж в каком порядке лежали ее белокурые пряди на подушке – любой стилист и фотограф расплакался бы от умиления. Ну просто расчехляй камеру и снимай сонную нимфу.

Придраться было не к чему, одним словом, а он придирался! Мало того, он почти ненавидел ее и за красоту, и за аристократизм ее долбаный, и за утонченность. Сначала ее ненавидел, потом начал ненавидеть уже и себя.

Хотел ведь? Хотел всего этого, когда рыскал по России в поисках супруги? Хотел, да как!

Сколько хороших девчонок тогда отверг, сколько партий великолепных похерил, идиот! Такие огненные штучки ему попадались, кровь в жилах просто закипала от одного взгляда на них, от одного прикосновения. Нет, осторожничал. Считал, что для семейной жизни, для прочной семейной жизни такого огня не нужно. Спалит он все к чертовой матери. А на пепелище какое счастье?

Долго искал, очень долго. И среди образованных, и среди умных, и среди молодых искал. Ничего его не цепляло. Никто не заставлял призадуматься. Пока на одном из званных вечеров, очень нужных ему в то время для делового подъема, его не познакомили то ли на счастье, то ли на беду с Лилией Леиной.

Ох, как он тогда, идиот, возрадовался, как возликовал. «Вот она! – думал он, сверля загоревшимися глазами ее нежный затылок. Она – девушка его мечты и долгих поисков».

Все ему понравилось в ней: ум, образованность, красота, утонченность, нежность. Даже имя ее с фамилией звучали напевно и нежно, как звук арфы. Хотя и арфы-то толком никогда не слышал, но вот втемяшилось в башку, что звучат ее имя с фамилией, как звук арфы, и хоть умри, так и мямлил потом и мял в мыслях, что все так, и быть иначе уже не может.

Он весь вечер не отходил от Лилии, отбивая всех возможных мастеров разговорного жанра. Сам-то он в светской беседе был не мастер. Нукал через слово, вставлял без особой нужды «как бы» еще чаще, мычал в ответ что-то нечленораздельное, когда она его спрашивала о живописи и театре.

А что он сказать-то ей мог? Вся его живопись – это этикетки на продукцию, которые следовало менять периодически, чтобы глаз потребителю не намозолило и чтобы продукцию его с прилавков хватали. А весь театр для него – это его бизнес, в котором иногда такие представления разыгрывались, что хоть святых выноси. Там и артистов, и режиссеров, и сценаристов хватало, будь уверен!

Вот и мычал, и нукал возле нее весь вечер, не зная, как подступиться и утащить ее в темный уголок какой-нибудь, да потискать там, как бывало частенько на таких вечерах. Так, впрочем, и не решился. Слишком уж она холодно глянула на него, когда застучала его блудливые глаза на своем декольте. Он аж отпрянул, настолько холодно она посмотрела.

«Какая недотрога! Какая порядочная девушка!» – пускал он в ту ночь слюни по дороге домой. Если она от одного его взгляда так оскорбилась, то уж допускать до себя всякого-разного точно не станет. Таким морозцем из ее прекрасных голубых глаз пробрало по спине, что сделалось холодно до пяток!

Знал бы он тогда, придурок, что за тем за всем сокрыто было! Э-эх, как бы знал бы...

Бежал бы тогда точно без оглядки от Лилии Леиной – самой прекрасной из прекрасных женщин с лебединой шеей, походкой и статью аристократки, голубыми льдистыми глазами и холодной плотью Снежной Королевы.

Не убежал, первые пять лет искренне надеясь растопить ледяное сердце и стылое тело своей жены. Все делал скидку на ее молодость, неопытность, стеснение и усталость. У его же Лилии был свой бизнес! Из-за этого-то, может, и брак их не удался, треща по всем швам. Из-за этого, может быть, и валилась она в постель не чуя ног. И руки его с себя спихивала. И ныла всякий раз под ним...

Дмитрий Кагоров, который для закадычных друзей всегда был просто Митяем, с неприязнью покосился на свою спящую жену.

Господи! Ну за что ему такое наказание?! Почему он должен каждую ночь ложиться в постель именно с этой женщиной и каждое утро с ней же просыпаться?! Она и не женщина вовсе. Она...

Она огромная замороженная рыбина! У нее даже кожа поблескивает в полумраке спальни, как покрытая инеем рыба чешуя! Кагорову порой было страшно руку протянуть и коснуться ее, так и казалось – под пальцами стеклянно хрустнет ледок и к ладони чешуя примерзнет.

Все думал, все надеялся, что родит Лилия ребенка, и все изменится. Надеялся, что устроит им крохотное чадо вместе с полуночным ревом такой ледоход, что своды спальни не одни его стоны станут отражать. Что очнется наконец его Снежная Королева, сбросит ледяные одежды и полюбит его по-настоящему. И встречать у порога будет, и по утрам будить поцелуями, а не в столовой, сидя за столом, приветствовать своим аристократичным: «Доброе утро, дорогой».

Тьфу-тьфу-тьфу на ее домашнюю вышколенную позу. Обрыдла так, что хоть волком вой!

На стульчик упасть мы не можем, мы с прямой спиной непременно сядем. На диван с ногами? Ни-ни! Ноги раздвигать чрезмерно широко тоже неприлично, даже если ты дома и в брюках. Разве пристало настоящей светской женщине сидеть, как хабалка?

А пристало ли ему день за днем наблюдать ее манерность?! А может, ему хоть раз в жизни хочется увидеть ее растрепанной, с лихорадочным румянцем и размазанной помадой по щекам, когда он ее врасплох... прямо в прихожей... прямо на маленьком столике...

Нельзя, мать ее! Нельзя ни в прихожей, ни на столике, и растрепаться нельзя, и уж тем более позволить губной помаде размазаться! Все должно быть в рамках приличия!

А он вот плевать хотел на ее рамки, рвать и ломать хотел их с треском! Варварски! Как захватчик, как насильник!

Позволил себе как-то раз подобное, что тут было!!! Она его едва в психушку не отправила, подключив папины связи. Еле-еле друзья-приятели отбили от этой замороженной стервозины.

– Ты че, Лилька, – говорят, – ополоумела совершенно? Мужика в психиатрическую клинику собралась уложить только за то, что он тебя трахнуть посмел по-человечески?!

Мужики заявили с бодуна, глазищи красные, от перегара окна во всем доме запотели, манеры...

Какие к чертям манеры, если из ста их слов девяносто девять матом! Они же не дипломатические работники, они деловые партнеры, ёлки! Бизнесмены российские! А у них как? У них от всякого рода неудач и заморочек в бизнесе одно спасение – слово! Да такое, чтобы позабористее! Они и не церемонились особо с его Лилией.

Так чем закончилось? Она и для них хотела палаты забронировать. Ну не сука?! Сука! Да еще какая! С этого-то дня и началось ему всеобщее одобрительное со всех сторон сочувствие. Если раньше его считали капризным и зажавшимся, то после этого случая преклонили колени и хором благословили на все возможные грехи.

Он и пошел по бабам! Да так разошелся, что и впрямь едва к психиатру не загремел. Потому как запивал на неделю, а то и на полторы. И девок менял без счета. В голове и перед глазами все смешалось от голых сисек и задниц. Срыв и случился, когда он, напившись, чуть девицу молодую не задушил. Еле-еле оторвали его от нее. Хорошо не один был в бане, а еще три пары тусовались рядышком, а то бы труба дело.

Девицу щедро наградили за молчание. А его потом тайком приводили в чувство в какой-то частной клинике. Лильке соврали, что в отъезде он. Все надеялись, что она не узнает.

Узнала, сука! Узнала, но на удивление ни словом не упрекнула в многочисленных изменах и недельных пьянках, хотя и коробилось иногда ее совершенное личико от его амбре.

Более того, как-то спустя месяц после этого происшествия присела на краешек кровати, где он читал на сон грядущий отчет коммерческого отдела, и говорит:

– Дима, нужно поговорить.

Вкрадчиво так говорит, погано. Он сразу заерзал, заподозрив подвох. Отложил отчет на тумбочку в изголовье, спустил на кончик носа очки и произнес:

– Ну-ну, говори.

И она такое понесла, что его едва не стошнило прямо ей на подол. Прямо на сверкающий шелк ее пеньюара.

– Ты, – говорит, – если не способен насытить свою плебейскую сексуальную похоть, то можешь завести себе постоянную девку. Только здоровую желательно и без претензий на будущее. В обязательном порядке контрацептивы. Я могу даже посодействовать в поисках. У меня есть на примете хорошие девочки, ты же помнишь, где я тружусь.

– Ты чего городишь, Лиля?!

Дмитрий тогда привстал на локтях, глядя в совершенное лицо и отчаянно горя, что нельзя сейчас съездить по нему кулачищем. Как всякой простой зарвавшейся бабе, которая знать не знает, что городит. Была бы она такой вот – попроще-то, съездил бы ей в ухо, отправив в угол за шкаф, да и продолжил бы отчет читать.

А нельзя! Потому как мы благородные! И в жилах у нас не просто кровь, а с голубоватым отливом. И кость у нас почти слоновья. Тьфу ты, господи!

Вместо всего этого Дмитрий прошипел:

– Ты предлагаешь мне шлюху в обмен на то, чтобы я тебя не трогал? Так, что ли?

– Наша с тобой жизнь – это ведь не только секс, не так ли? – она изумленно поморгала. – Это ведь бизнес, дружба, долготелая причем, понимание, в конце концов! Это много больше, чем отвратительные телодвижения двух вспотевших пыхтящих людей, Дима!!! Ну что ты на меня так смотришь, как будто я...

– Я смотрю на тебя, как на фригидную дуру, Лиля.

И он ведь тогда не выдержал и спихнул ее с кровати так, что она упала на свою совершенно безупречную попку и расплакалась. А он оделся, хотя спать собирался, и ушел. Долго колесил по городу. Хотел напиться, потом передумал и резко газанул от бара, возле которого приостановился. А потом...

Потом все как-то неожиданно получилось... Девчонка попала ему на обочине. Он притормозил, решил, она работает. Обрадовался и подумал даже: надо же, такая нарядная, неиспорченной выглядит, а на дороге. Наверное, недавно в деле.

Оказалось все совершенно не так. Она просто ловила попутку, потому что ехала куда-то. Куда, он так и не спросил. Да и она потом позабыла. И они проговорили с ней часа четыре. Не захлеб, не перебивая. Все было очень трогательно и великолепно. Мило и с пониманием. Глаза – в глаза, душа – в душу.

Да, они переспали под финал своей беседы. Ей это было необходимо для чего-то, он не запомнил. Ему – без комментариев. И так это получилось у них... как бы само собой. Словно

логическим завершением их душевной близости явилось их «отвратительное телодвижение», как сказала бы эта ледяная сука – его жена.

Сказать кому, что после этого он недели две порхал, земли не чуя, не поверил бы.

Как?! Секс со случайной партнершей?! Да как так можно?! Да мало ли что!! И что в этом особенного?

Да ничего в этом особенного не было, понятное дело. Но вот что странно: пела душа, и все! Казалось бы, ну излил он душу случайной девчонке, ну трахнулся с ней, ну прочувствовал все так, как будто впервые женщиной обладал.

Почему так все? Потому что она слушала его внимательно? Потому что соглашалась со многим, кивая? Черт его знает! Может, просто потому, что ему было с ней хорошо и незатейливо, без обязательств и рамок всяких идиотских.

Спит вот она рядом, та, которая должна была стать ему родным человеком, и даже не подозревает, насколько сильно он ее ненавидит. Дима вздохнул, переводя взгляд на оконный проем, за которым забрезжило мутное декабрьское утро.

Пора! Пора было решаться на что-то. Дальше так продолжаться не может, ежу понятно. Жизнь проходит, ему уже сорок пять, а ни детей, ни семьи фактически. Аквариум у него, а не семья. Холодная баба рядом, без тела, без души, без чувств. Ребенка родить то ли не может, то ли не хочет. Несколько раз пытался завести разговор, даже настаивать пытался, все без толку.

Глазами заморгает по-щучьи, изящные руки красиво на великолепной своей груди сложит и головой мотать начинает отрицательно.

– Я не самка.

Так она отвечала ему всегда, мотивируя свой отказ. И ведь искренне считала при этом, что она права. Но он так не считал. Он-то детей хотел, семьи настоящей. Где и поскандальят, а потом помирятся. Где от детского визга порой уши закладывает, и отдохновение наступает лишь, когда детишки сопеть начинают под своими одеялами. Где утренники в детских садах с непременными костюмами и стишками. Подарки под елкой, беспорядок в гостиной и фантики в потайных складках кресел и дивана. Чтобы висли на нем со всех сторон, когда он домой возвращался бы, и в уши шептали:

– Па, а ты никому не скажешь?

– Па, а ты купил мне, что обещал?

– Па, а у Сашки, знаешь, какие роликовые коньки!..

Он хотел всего этого до судорог! У друзей все это видел и хотел. А Лилия Леина считала все это откровенной пошлостью. И дети, как она объясняла, лишь усложняют жизнь. Сначала портят фигуру, а потом и все остальное, включая интерьер. Дети не входили в рамки ее понимания счастья.

Сука!! Холодная эгоистичная сука! Надо же было так вляпаться! Все искал, перебирал, копался. Все хотелось ему чего-то необыкновенного, сказочного. Вот и получил Снежную Королеву. Боялся обжечься, а его заморозить решили на веки вечные.

Не-ет, дорогуша. Так не прокатит. Жизнь у него одна. И он уж постарается остатком ее распорядиться так, чтобы не стыдиться потом самого себя.

Детей он хочет – раз.

Желанным быть желает – два.

И... тарелки обыкновенного супа он хочет под собственной крышей – три. Не ресторанного замысловатого пойла, пусть и приготовленного каким-нибудь прославленным поваром, а своего, домашнего, над которым час колдовала его собственная жена!

Должна его баба, хоть она и снежная, оправдывать свое предназначение или нет, черт побери?! Должна! А раз не хочет, то...

То придется ему от нее избавляться.

О разводе в их случае и речи идти не может, слишком много делить придется. А он за свой бизнес кому угодно в горло вцепится. Все лучшие годы свои на него положил. Значит, выход из его семейного кризиса только один.

Он уберет Лилию, сотрет ее с лица земли, уничтожит жену так, что комар носа не подточит. И сделает это уже скоро.

Он ее убьет!

Глава 4

Все ее милые, душевные планы на новогоднюю ночь летели к чертовой матери. Она так хотела посидеть за семейным столом вместе с Сережкой. Чтобы только она и он, чтобы никого между ними, чтобы никакой светской суматохи, словесного мусора, натянутых улыбок. Никакой чтобы ноющей спины, потому что ее придется напрягать, держать струной, стоишь ли, сидишь ли.

Она уже и меню их праздничного позднего ужина обдумала и решила, что со всем справится сама, хотя блюдо с таким названием никогда не пробовала и уж тем более не готовила. «Ничего, – думала она, – не боги горшки обжигают. Кто-то же их готовит, кто сказал, что у нее не получится?»

А Сережка...

Установил елку, с которой явился домой почти под утро, объяснив, что в сугробах они буксовали. Ну буксовали так буксовали. Не станет же она истерики ему закатывать и подозрением оскорблять. Уложила спать, старательно задерживая дыхание, чтобы не мутило от его перегара. Выспался, поел, установил елку. Они вместе нарядили ее. С умильной дурашливостью попрыгали вокруг. А потом он и говорит:

– Малыш, нам придется планы на праздник чуть откорректировать.

Она вопросительно уставилась на него, научившись не тиранить своего мужа лишними вопросами.

– Интересы дела заставляют, понимаешь, – Сережка виновато улыбнулся. – Хотел отбрыкаться, про наш с тобой секрет ни гугу, конечно. Так, пытался усталостью аргументировать и все такое, но все бесполезно. Один наш с пацанами общий знакомый заполучил себе на Новый год нужного нам мужика.

– И чем же он нужный? – осмелилась она все же на вопрос, хотя внутри все тут же сразу запеклось от жгучей обиды.

Опять! Опять ей толкаться среди локтей и голых спин жен и спутниц деловых партнеров ее мужа, слушать сплетни, восторгаться чем-нибудь, ужасаться в тему, в то время как мужья, оседлав стулья в какой-нибудь бильярдной или курительной комнате, станут решать свои проблемы. В другое время ладно, но ведь новогодняя ночь! Ну что за необходимость?!

– У мужика денег – куры не клюют. Он вообще-то молочный король, и у него империя в порядке, но вроде собирается строить новые корпуса, расширяться, это по слухам. Вот нам и нужно его заполучить, пока он кого-нибудь еще не нашел. У нас строительная фирма, понимаешь? А парень сейчас начнет искать подрядчиков.

– У тебя что, все так плохо?! – она заволновалась. – Какие-то проблемы в бизнесе, милый?!

– Да нет, Надя, все в порядке.

Сергей досадливо поморщился. Он не любил ее посвящать в тонкости своего дела, справедливо полагая, что не женского ума оно. Начнет волноваться по пустякам, кудахтать, путаться под ногами со своим женским нелепым сочувствием. А ему это надо?! Да у него за год чуть не каждый квартал критические финансовые авралы, и ничего, выбираются, даже с прибылью пока что, тьфу-тьфу-тьфу...

И такой вот вариант с этим благополучным Дмитрием Кагоровым он упустить не мог, даже в угоду своей молодой семье. У них еще много впереди праздников, успеют наверстать, пошептаться под едва слышное потрескивание свечей. Все еще будет – и счастье, и благополучие, а вот чтобы оно непременно случилось, необходимо заложить фундамент.

– Просто хочу, Надюша, до появления малыша перебраться в дом. – Сережа привлек ее к себе. – Не хочу, чтобы он начинал ходить по пыльному городскому асфальту. А там!.. Там же

красота! Весной трава, цветы. Ты насаждаешь цветов? В дом хочешь переехать? Ну вот! А для этого надо еще немного поднатужиться. И господин Кагоров нам в наших потугах поможет. Уж придется пожертвовать новогодней ночью, прости.

– Я все поняла, – она закивала с понимающей улыбкой, затолкав поглубже обиду. – Может, мне лучше остаться дома, Сережа?

Она всегда его об этом спрашивала, а потом с замиранием сердца ожидала ответа. И загадывала всегда: вот если согласится с ней, значит, ему безразлично, рядом она или нет, а если захочет, чтобы она с ним была, значит, любит, все еще любит.

– Ты чего, Надюш? Как же я без тебя? – Сережа тут же подлез под ее локоток и пристроил голову на ее коленках, и замурлыкал, замурлыкал. – Я выгляну из-за чьего-нибудь плеча, а там ты! Красивая такая, родная... Мне сразу теплее на душе, сразу и дела спорятся. А так что? Новый год, а я там один! Не-ет, малыш, ты со мной. Уж потерпи ты этих рысей... Один, без тебя, я не пойду!..

– Один, без меня, ты не пойдешь!

Кагоров с удивлением повернул голову в сторону разгневанной супруги. Это было что-то новенькое. Какой-то непонятной оттепелью тронулся ее ледяной панцирь, что-то человеческое проглянуло сквозь сверкающие рыбы доспехи. На нежные щеки Лилии, от рождения покрытые благородной бледностью, выползли два красных пятна, губы задрожали. И это было непривычным для него и совершенно непонятным. Лилия обычно равнодушно воспринимала его приглашения, и если таковых не случалось, без лишних слов оставалась дома. А тут!..

– Что так? – Кагоров снова вернулся к столу, хотя уже поужинал и собирался лечь спать. – Что вдруг произошло?

– Почему непременно что-то должно произойти?! – фыркнула она в несвойственной ей манере. – Что ты находишь странного в том, что я хочу встретить Новый год со своим мужем?!

И она даже ладошкой по столу пристукнуть посмела, во как! Совсем позабыла, что это неприлично?

Она вообще сегодня ему другой, неузнаваемой показалась еще с самого утра. Проснулась раньше его. Это в первый-то раз за столько лет их безрадостной семейной жизни. Он глаза привычно распахнул, скосил взгляд на нее. Хотел по привычке ее порассматривать, поругать и поненавидеть втихаря, а она на него уже таращится совсем даже не сонными глазенками. А потом и вовсе удивила. Полезла с поцелуями, по волосам принялась гладить и что-то шептать начала умильное. Он даже не слышал ее, настолько внутренний его протест оказался громогласным и оглушительным.

Чего это она?! Чего лезет?! Приснилось что-то?! Или прочувствовала своим женским подсознанием, что он собирается от нее избавиться?! Так не станет он от планов своих отказываться из-за неожиданных ее порывов. Ни за что не станет! Он уже все продумал, уже даже знает, когда и где это произойдет. И тут вдруг...

Весь день потом названивала ему, придумывая совершенно дурацкие предлоги. Затем заикнулась что-то про ужин в ресторане, мол, не были давно, пора бы возродить традицию. Кагоров отказался. И причин тому было множество. А самой главной и первой причиной была та, что он не собирался ничего возрождать. Все в нем умерло, угасло, не кровоточило и не стреляло искрами.

Домой вернулся позже обычного, почти в одиннадцать. Очень надеялся, что его королева-жена давно поживает на своей половинке кровати и ему не придется с ней разговаривать. Вошел в дом и обомлел. Лилия на пороге в нарядном платье, в туфлях на каблуках, и из столовой потягивает чем-то вкусным и явно мясным.

– У нас гости? – он сделал вид, что не заметил ее щеки, подставленной для поцелуя, тут же принявшись снимать с себя куртку.

– Почему гости? Нет. – Ладонь жены стала расправлять пиджак на его лопатках. – Почему ты спросил?

– Действительно, почему! – он разозлился нелепости ее вопросов и повысил голос: – Супруга в вечернем туалете встречает меня на пороге, в доме пахнет мясом. И это в то время, когда почти полночь!

– Вот именно, дорогой, – вежливо укорила она его. – На часах скоро полночь, а тебя все нет. Мясо разогревала уже трижды.

– Зачем?

– Для тебя!

– А-а, а платье? – ему пришлось повернуться к ней, хотя бы для того, чтобы она не ерзала больше по его спине своими ладонями. – Платье тоже для меня?

– Конечно!

Лилия скованно улыбнулась. Впрочем, она всегда так улыбалась, так и не научившись голливудской улыбке, которую выколачивала из начинающих моделей.

– Ну, ну...

Он не нашелся, что еще сказать, и нехотя пошел за ней следом в столовую. Сервировка – высший класс. Мясо, конечно же, из ресторана. Салат оттуда же. Глупо было бы ожидать, что госпожа Кагорова опустится до того, чтобы самой кромсать овощи. А домработница на конец декабря взяла отпуск.

– Выпьешь? – она застыла возле раскрытого бара.

– Нет, спасибо. Не хочу.

Выпить-то он выпил бы, но не с ней и не то, что она ему сейчас начнет бодяжить. Хрени какой-нибудь намешает из трех бутылок, а его потом изжога заест, да в висках начнет стрелять. Водки он бы выпил сейчас с радостью. Хороший стакан, до самых краев. Да нельзя, Лилия не приветствовала крепкие напитки. Станет носом крутить да сопеть укоризненно.

Она впорхнула на свое место за столом, взяла изящными пальчиками столовые приборы, и они начали ужинать. Все тихо, спокойно, мирно вполне. Обменивались новостями, цена которым была – пять рублей мешок. Ни он, ни она никогда не были друг с другом откровенны, оба знали об этом, жили с этим, и это их устраивало. Все выглядело вполне пристойно, пока она не затеяла разговор о встрече Нового года у кого-то из ее знакомых за городом. Он пожал плечами и сказал, что не против. Раз ей так хочется, то пусть едет к ее знакомым за город, хотя они сами тоже не в центре города живут, а на самой окраине. Но раз ей так хочется, пусть. Тем более что у него на эту ночь свои планы имеются.

Вот стоило ему об этом заявить, как тут же началось. Вилочка с ножичком аккуратно были уложены крест-накрест на тарелочку, и без того не согбенная спина супруги выпрямилась еще сильнее, того и гляди зазвенит от натуги, а глазки гневно заискрились.

Скандалить она, правда, не умела, как миллионы других нормальных женщин. Не могла повысить голос, не могла позволить себе оскорбить его, накричать, замахнуться. Не могла запустить в него тарелкой. Как можно?! Это неприлично, да и сервиз жалко. Но вот шею выгнула, как гусыня. Это вот у нее получалось всегда бесподобно. Шею выгнет, вытянет вперед, ну ни дать ни взять гусыня. Потом ноздрями подергает. Следом точеный подбородок начинает лезть вверх, а веки принимаются порхать, вроде как слезы смаргивают. Только слез-то не бывало никогда. Так, пару раз за всю их совместную жизнь. Не было у нее слез и быть не могло!

Ан нет! Сегодня парочка дорогостоящих слезинок все же скатилась по холеным щекам, и красные пятна бледную кожу разукрасили. А потом и вовсе чудеса начались. Голос повышаем, по столику ладошкой хлопаем! Скажите, пожалуйста, как пробрало! С чего это вдруг такая страстность из супруги поперла? Уж не перед близкой ли кончиной такие метаморфозы? Говорят, люди чувствуют подсознательно приближение своей кончины. Может, в этом причина?

– Дима, я не пущу тебя! – прошептала она гневно. – Это... Это в конце концов неприлично!

– Ага! Ну наконец-то!

Он даже обрадовался. Ну слава богу, все прояснилось. А он-то уж напридумывал себе историй. Никаких метаморфоз. Рамки! Чертовы рамки трещат по всем швам у его высокообразованной великосветской супруги.

– Что, наконец?! Ну что, наконец?! – послышалось едва ощутимое всхлипывание. – Ты считаешь это нормальным: в новогоднюю ночь отираться в одиночестве в компании солидных бизнесменов и их жен? На тебя там, знаешь, как станут смотреть?!

– А мне плевать, как там на меня станут смотреть, дорогая, – настроение у Кагорова пошло по нарастающей. – К тому же... Кто тебе сказал, что я там буду в одиночестве?

– А... – ее веки, выдавив две драгоценные, стоившие целого состояния, слезы, недоуменно запорхали. – То есть как?... Ты что хочешь этим сказать?! Что потащишь в общество приличных людей свою шлюху?!

Она не рассчитала своих голосовых возможностей и в финале засипела, а потом закашлялась. Тут же грациозно подхватила бокал на длинной тонкой ножке и принялась пить воду крохотными осторожными глотками. Эффектного выхода не получилось. Это ее сбило с толку и смутило донельзя.

А Кагоров с небывалым наслаждением продолжал веселиться. Что-то будет дальше?

Утопив свой неожиданный сип в негазированной минеральной воде, Лилия несколько минут собиралась с силами, потом сказала:

– Дима, я осознаю свою ошибку.

– Которую? – решил он уточнить на всякий случай. – Ты их, дорогая, знаешь, сколько наделала за эти годы? Нет? О-о-о, недели не хватит, чтобы все перечислить. Так которую ты имеешь в виду, дорогая?

– Ну... Я сама как-то тебе предложила завести девку, когда ты... Вел себя не совсем...

«Вот если она сейчас скажет – неприлично, то он точно даст ей в лоб», – загадал Кагоров со злым удовлетворением. Но Лилия назвала его поведение неадекватным. Молодец! Вовремя прочувствовала.

– Я была не права, признаю, – покаялась она, с достоинством задрав подбородок. – Я долго думала и поняла... Нам надо что-то менять в своей жизни... Может, нам и в самом деле приобрести ребенка, Дима?

– Ребенок не недвижимость, Лилия! – рявкнул он, с ненавистью глядя в ее потрясающе прекрасное лицо. – Его рожают, а не приобретают! Его рожают, любят, холят, лелеют, наказывают, за него боятся до усрачки, переживают! С ним ночей не спят, когда у него режутся зубы или он болеет! Его кормят кашей, даже если он отворачивается и плюется! И еще за ним убирают говно, представляешь!!!

– Прекрати говорить гадости, Кагоров! – она снова повысила голос, успев передернуться безразлично от его последних слов.

– Это не гадости, дорогая! – он выскочил из-за стола, свалил стул и даже не подумал его поднять. – Это жизнь! Реальная жизнь, без твоих гребаных рамок, понимаешь!!! Она, эта жизнь... Она не ванильная, не хрустящая, не стерильная, мать твою! Она всякая!!! И кровооточащая и зловонная порой, и обжигающая и воспаляющая! Ты такой жила хоть раз?! Хоть когда-нибудь ты чувствовала ее настоящий вкус?! Ты же... Ты же мертвая при жизни, Лилечка!!! Ты заледеневшая! Черствая, как твои хлебцы, которые ты хрумкаешь с утра!!! И такая же безвкусная, как твои овсяные хлопья, которыми ты набиваешь свое неживое нутро каждый день!!! Хоть бы раз встряхнулась, хоть бы раз вышла из того круга, которым себя очертила! Ах, Димочка, не нужно так высоко задирать мне ноги, это некрасиво! Ах, не нужно меня целовать туда, это негигиенично! Ах... Да ты вся из этих ахов! Я теперь понимаю, почему твой

бизнес процветает. Это ведь так в твоём стиле: лепить из нормальных девчонок полусинтетические манекены, заставлять ходить их строем, клеить им на физиономии резиновые улыбки, выбивать из них души, заставлять ненавидеть друг друга. Сука ты, Лилька!!! Отвратительная утонченная сука!!!

И он ушел, с наслаждением пнув стул, опрокинувшийся на пол. Заперся в громадной ванной комнате и валялся в горячей воде почти час. И плевать ему было на то, как его жена расценит его слова. Ведь она скоро не будет его женой, так? И вообще ничьей не будет. Он ее убьет, сделав все так, что комар носа не подточит. А что касается новогодней ночи...

Да черт с ней, пусть идет вместе с ним, если еще не передумала. Хочется ей там коротать время в полном одиночестве – ее дело.

Ему не до нее. У него вполне деловая встреча с нормальными реальными мужиками, которые в нем заинтересованы. Хозяин дома, правда, мерзавец, и есть у Кагорова к нему парочка претензий, но тот обещал познакомить его со своей бывшей женой. И даже более того, обещал посодействовать, чтобы бабенка не ломалась и была поговорчивее. Если Витек все так устроит, Кагоров согласен ненадолго прикрыть глаза на его мушкетерства. Потом разберутся и с ним, и с его закидонами. Но в новогоднюю ночь никаких разборок, эта ночь принадлежит ему и его планам на бывшую жену Виктора – Александру.

А ее Кагоров хотел! Да так, что она ему приснилась без ничего совсем. И они такое вытворяли, что он проснулся оттого, что застонал. И ведь даже знаком с ней не был лично. Видел пару раз. Один раз с Витьком, второй раз в пробке стояли в соседних рядах. И вот после этого...

А почему так разобрало? Да все объяснимо. Огня в этой бабе было – на три стихийных бедствия вполне хватило бы. Черноволосая, смуглая, резкая. Когда с Витькой он их увидел в первый раз, они скандалили.

Ох, это было зрелище! Кагоров думал, она Витька убьет точно. Все хотел узнать причину. Как потом оказалось, в тот день Витек ее за дверь выставил, предпочтя какую-то молоденькую шлюшку. «Дурак», – подумал тогда про него Кагоров. И на время позабыл и о ней и о нем.

А потом в пробке как-то...

Застрял минут на сорок. Психовал так, что воротник рубашки, казалось, задымится. Сначала все за телефоны хватался. А толку-то? Кто поможет? Вертолет, что ли, за ним вышлют и машину подцепят? Потом взгляд в сторону скосил, а там жгучая та красотка, бывшая Витькина жена. Сидит себе и поет, головой в такт своему пению качает и плечами так поводит зажигающе. Он начал гадать: так просто поет или подпевает кому-то? Может, диск? А что, если радио? Начал в эфире искать песню, к которой бы ее телодвижения и шевеление губ подошли. И загадал даже: если найдет, то даму эту он точно заполучит. А нет...

Нашел!! Нашел на своей любимой волне эту песню, и ведь тоже запел. И только хотел ей поигнать, чтобы спеть дуэтом, как длинная пробка из автомашин нервно дернулась, заурчала, и движение возобновилось.

Все мечтал, все гадал и думал: ну как, где ему с этой Александрой пересечься. И тут вдруг Витек подлез к нему с этим приглашением на встречу Нового года. Про дела свои как бы вскользь. У-уу, образина! В другое время Кагоров послал бы его куда подальше, да про его сволочные выходки напомнил бы. А тут обрадовался, хотя и вида не подал. Начал ломаться, выживать. А потом про Александру тему-то и задвинул. Если, мол, обеспечишь меня на ночь своей бывшей, то без вопросов. А если нет – то пошел бы.

Удивительно, но у Витьки губенки задрожали. Аж рубашка под мышками вспотела. Неужели взревновал? Зачем тогда из дома выгонял? Такую-то бабу! Подрожав и попотев, Витек все же согласился и снова начал юлить про свои дела. Кагоров тогда тему быстро отодвинул, пояснив, что недосуг. Что, мол, ночь новогодняя длинная, будет когда поговорить.

Только не станет он разбавлять удовольствие Витькиными проблемами. У него другая тема на эту ночь и другие – далеко идущие – планы...

Ах, годы – гады, годы – гады! Что делаете с плотью нашей!

Александра с тоской осмотрела себя в огромном зеркале, безжалостно обнажившем ее возраст, увеличивающем все ее мелкие и глубокие морщинки. Три часа колдовала над ней молоденькая девчушка в хрустящем белоснежном халатике, но все будто напрасно. Ничего не подтянулось и не исчезло.

– Вот видите, как все хорошо, – мелодично ворковала девочка, осторожно снимая с ее лба и шеи марлевые повязки и воротнички. – Цвет кожи великолепный. Веки подтянулись, глазки выразительные, шейка просто лебединая. Сейчас еще прическу вам сделают и – королева просто!

Шея лебединая! Откуда ей взяться, если и смолоду ее не было, коротковата для лебедушки-то. Ей из лебединого только песня и осталась. Ах, как бы задалась она в ночь грядущую, как бы задалась! Понравиться бы ей этому Митьке Кагорову, да так, чтобы у него на нее виды серьезные возникли. Чтобы он жену свою молоденькую и красивенькую ради нее – увядающей – оставил да ее в свои хоромы забрал. Она бы тогда...

Да она для него на все тогда была бы готова! На все!!! Сказал бы – в пропасть прыгнула, попросил бы – в огонь шагнула. Лишь бы при мужике ей свой век доживать, лишь бы не в одиночестве. Подлая ведь она штука – одиночество, ох и подлая. С виду так вроде и ничего. И обустроена, и не нищая. Открой шкаф: тряпья – полк нарядить можно. Открой холодильник: неделю толпа мужиков харчиться может. Никто не кричит, не понукает, не обижает, не унижает. А с другой стороны: от тишины такой порой удавиться хочется. И даже – смешно признаться – порой и ругани простой человеческой хочется.

Кагоров, болтают, крут, суров и до жути обаятелен. Такой может и в зубы дать, и приласкать потом. А чего ей еще надо? Она бы нрав его крутой стерпела, кошкой бы ластилась и с блуда его ночного ждала бы. Лишь бы не одной...

– Волосы как будем укладывать?

На смену одной молоденькой красавице явилась другая. Нарочно они ей, что ли, их сегодня подсовывают? Для контраста, что ли? Она и так не дура, видит, насколько далеко ушла от их нежной свежести. Ее теперь массируй, не массируй, укладывай, не укладывай – моложе не станет. На ночь одно лицо и прическу ей смогут сделать, чуть приукрасив, а потом что? А потом наступит утро, мать его, с отеками мутными глазами, помертвевшим поблекшим ртом, нездоровой рыхлостью под подбородком.

Ах, годы, годы! Ах, Митя, Митя, как поздно ты захотел зрелую женщину, коей ей надлежит быть для него в эту ночь! Пяток лет назад у нее еще была бы надежда на охмурение и дальнейшее продолжение их неожиданного романа. Пять лет назад она по утрам еще очень даже ничего выглядела. А теперь...

Разве сможет он своей свеженькой красавице предпочесть ее – Александру? Вряд ли. Один шанс на миллион.

– Прическу станем делать? – девчушка нетерпеливо переминалась за ее спиной.

– Станем, – вздохнула Александра, углядев возле уха нерастертый тональный крем, схлестнула предыдущая милашка.

– Что бы вы хотели? – девушка принялась перебирать пряди ее волос заученными движениями. – Может, оголим шейку? Вот так повыше приподнимем волосы и...

– Девушка, разве вас не учили, что открывать шею в зрелом возрасте не очень хорошая идея, не очень профессионально это с вашей стороны, – зло оборвала ее Александра, выдергивая прядку из ее пальцев. – Накрутим и рассыплем волосы по спине и плечам в беспорядке. Вот так и вот так... Все понятно?

– Да, – девушка покраснела. – Извините.

Было видно, что мастера Александра обидела. Ну и пускай! Пусть не лезет со своими глупыми советами. Волосы она ей поднимет. Чего открывать-то? Расплывчатую линию щек и подбородка? Гусиные лапки от глаз к вискам? Возраст ее обнажать вместе с шеей? Дура! Молодостью своей кичится, видали! Будто не быть ей такой, как Александра сейчас. Думает, что притирками своими и примочками остановить сумеет времени ход. Нет, милашка, не останавливать его – время-то. Легкое торможение только и возможно, и то до поры до времени. А потом, как с ручника-то оно сорвется и помчится во всю прыть, то что ни день, то отпечаток его на своем лице и теле станешь обнаруживать.

Девчонка старалась изо всех сил. Прическа вышла удачной. Александра даже пожалела, что платья сразу не надела, и теперь придется корячиться и натягивать его через голову со всеми возможными ухищрениями и предосторожностями, изворачиваясь змеей. Ничего, ради такого выхода она не то что в платье, в замочную скважину вползет. У нее сегодня две темы на ночь: окрутить Митяя Кагорова и наставить рога Витьке-подонку.

Ох, как ей не терпелось увидеть его искривленную от злости физиономию, когда Кагоров поведет ее наверх. Ох, как мечталось ей в мозгах его в тот момент поковыряться. Что этот мерзкий лысый козел думать станет, собственноручно укладывая в чужую постель свою жену, с которой до сих пор развода не оформил? Малолеток он вокруг себя собрал, скажите, пожалуйста! Они тебе еще покажут, эти малолетки. Они тебе еще...

Ах, ну да черт с ним, с Витькой этим! Может, правда, что с Кагоровым срастется? И если любви между ними не вспыхнет, то хоть на одну ночь она от одиночества отдохнет и нужной и желанной себя почувствует. Витька-то даже в ее присутствии раньше не стеснялся под чужие юбки лазить, никем особо не брезгуя.

Она ему покажет, козлу лысому! Она ему покажет...

Глава 5

Деловой части вечера не суждено было состояться. Уединиться им не дали. И кто бы, вы думали? Их собственные жены, которым в эту ночь будто кто кнутом под хвост стеганул. Как вцепились им в рукава, как повисли на шеях!.. То за стол, то танцы! То проводить старый год, то встретить новый! То фанты, то жмурки! Как с цепи посрывались, что ты будешь делать! Дошло до того, что друг с другом танцевать принялись медленные танцы. Словно устыдить мужчин таким вот образом пытались. И некоторых очень задело, когда их жены обниматься принялись и ворковать под всеобщее улюлюканье.

Потом и вовсе веселье началось. Кто-то кому-то приглянулся, причем совершенно эта симпатия оказалась незапланированной. Вроде все было расписано, даже сценарий составлялся хозяином дома. Кто с кем идет наверх. Кто кого в этот момент отвлекает. Кто кого развлекает, а кто тискает. Все перепуталось, все перемешалось. Пойди разберись, отчего за столом у соседа, у того, что слева от тебя, брови у переносицы домиком сошлись. С чего он на жену шикает, а у той губы дрожат, того и гляди разревется? А те соседи, что справа разместились, вдруг начали друг друга за ляжки пощипывать, выдавливая при этом на физиономии скупые вежливые улыбки. Хозяин дома так и вовсе чернее тучи сидел. Пойди разберись, что его так расстроило? То ли то, что все пошло не по его плану, все наперекосяк. То ли то, что он – правообладатель двух женщин – вдруг бац и сразу обеих лишился?

Короче, напились все ближе к двум часам ночи почти непотребно и потихоньку начали разбредаться из огромной гостиной, где был накрыт роскошный стол.

– Ты не должна со мной так поступать! Ты – маленькая гадкая дрань! – шипел кто-то свистящим шепотом в крохотном коридоре между ванной комнатой и входом в сауну. – Я же могу тебя уничтожить, ты хоть понимаешь это?!

– Да, понимаю, – отвечала маленькая дрань.

И дураку понятно было, что с упрямством отвечает, без раскаяния, значит. Понятно стало и тому, кто насккивал, потому что тут же свистящий шепот продолжил угрозы:

– Я вот сейчас выйду и все всем про тебя расскажу! Как тебе такое?

– А я о тебе!

– А мне плевать! Плевать, понятно?!

– Да уж, плевать! Можно подумать! А как же статус?

– Все изменится после сегодняшней ночи, все! И твоя и моя жизнь тоже! Так я иду?...

...А под лестницей, которая вела в левое крыло дома, где наверху располагался зимний сад, и вовсе было интересно.

– Ты чего, медведь! – сдавленный жаркий смешок тут же прервался стоном. – Платье! Черт, платье!

– К черту платье! Я хочу тебя!!! Я так давно этого хочу!

– Сюда могут войти, между прочим, – выдохнула женщина.

– Сюда?! Под лестницу?! Что ты несешь, дуреха? Кто сюда пойдет! – возразил нападавший.

Несколько минут слышалось лишь шуршание одежды и возня, и минут через пять женщина снова простонала:

– Ну ты и медведь!!!

– ...Я, сука, тебя сгною! Просто возьму и переломлю тебе позвоночник, понятно или нет?! – плевался слюной гость в зимнем саду.

Тот, кто слушал его по телефону, что-то начал говорить в ответ, в чем-то убеждать, но стало только хуже. Человек упал в плетеное кресло, несколько минут массировал левую сторону груди, потом с мученическим выражением лица прошептал еще раз:

– Убью суку! Просто возьму и убью!..

...В локоток, задрапированный нежным шелком, вцепились жесткие пальцы, процарапав ногтями кожу даже сквозь ткань.

– Мне больно! – женщина попыталась выдернуть руку, сморщилась от боли.

– Ничего, потерпишь! Ты мне лучше скажи, что ты здесь делаешь?! Что ты тут забыла?! Ты это специально все подстроила, да?! Чтобы мне досадить, да?! Ты знала, что мне это будет неприятно – видеть тебя среди нас, и ты все равно притащилась! Гадина!!! Какая же ты гадина!!! Ты все время стоишь у меня на пути! Все время стараешься досадить!

– Ничего подобного. Я здесь... Я не знала, что ты сюда тоже прикоптишь! Вот!

– Не знала она. – Хватка чуть ослабла, послышался вздох: – А, черт с тобой, с потаскухой. Как хочешь! Тебе все равно ничего уже не изменить. Ничего!..

...Странно, как это ему удалось этой ночью попадать сразу туда, куда нужно?! Куда ни завернет, оп-па, новая тема! Где нога за ковер ни зацепится, где ни оступится, оп-па, снова тайна, да какая! Он как Фигаро этой ночью, то тут, то там, и все не мимо, все в яблочко. Это же все не просто так, это же какой повод, какая почва для раздумий и для того, чтобы потом плод своих размышлений употребить себе во благо.

Вот те раз! Кто бы думал, кто бы гадал! Многое непонятно, конечно, но на то и мозги нам дадены. Во всем разберется, во всем! И даже... так, так, так...

Если сейчас вон та милая дамочка сделает именно то, о чем он подумал, то все его планы срастутся! Все тогда произойдет именно сегодня, а не потом! И тратиться даже не придется. Вот так удача, кто бы подумал!!!

К столу начали сбредаться минут через двадцать после его метаний по дому. Помятые физиономии, сонные глаза после полумрака закоулков дома. «Кое-кому не мешало бы и макияж освежить», – похихикал он мысленно и ручки невольно потер.

Ай да людишки! Ай да подарок судьбы!

Кто-то и поплакать даже успел. А что так? Что не получилось? Ух ты, боже правый! Да не стоит так переживать-то, все он исправит, все сделает по тому сценарию, который неожиданно и так на руку созрел в его голове. Итак, господа, приступим?...

Глава 6

Ах вы, сытые ублюдки! Ах вы, сволочи! Что наделять удумали?! И когда?! В новогоднюю ночь!!! У нее только-только после всех тостов и застолий хоть что-то наметилось в личной жизни, только-только...

И тут вдруг этот злополучный телефонный звонок! И так ведь некстати, так не вовремя!

– Не бери трубку, я прошу тебя! – взмолился Никита, успев уже снять с себя рубашку и залезть к ней под платье. – Наталья, не бери трубку, обойдутся без тебя, вот увидишь!

– Не могу, – едва не плача, пожаловалась она, одергивая подол и слезая с дивана. – Не могу, договоренность имеется, что я на связи, вот... Вот так у меня, Ник, и в праздники и в будни, так что, пока не поздно...

– Поздно, Наталья Евгеньевна, поздно, – вздохнул он с печалью.

Сел, закинул руки за голову, не без самодовольства демонстрируя ей, наверное, совершенно не подвластные возрасту мышцы. Тарзан, тоже еще, нашел время! Наталья поспешно отвернулась, схватила телефонную трубку с аппарата. Все еще надеялась, смешная, что это ее кто-то из знакомых решил поздравить с наступившим Новым годом. Думала, что кто-то еще не успел уgomониться, напиться и свалиться к этому часу, и вот вдруг вспомнил о ней. Наивная!

Нет, поздравить, конечно, поздравили. И пожелали и того и сего, а потом велели скорее собираться и выходить под снегопад из дома, машина, мол, уже вышла.

– Ты останешься или как? – выкрикнула она из спальни, где со злостью сдирала с себя вечернее платье и обряжалась в привычную робу свою выездную: джинсы, свитер, носки потеплее.

– А ты скоро? – свой вопрос Ник сопроводил протяжным зевком.

– Не знаю, как получится.

Она вышла из спальни совершенно преображенной. Совсем не такой, какой Никита увидел ее впервые. А поскольку впервые он увидел ее только сегодня, в канун Нового года, то лицезреть ее мог лишь в нарядном платье, с красивой прической и в туфлях на шпильках. А тут свитерок в тусклую, неприметную полосочку, потертые джинсы, носки вместо каблуков. Да и волосы пришлось забрать в резинку, к чему же локоны-то на выезде.

– Какая ты... – не удержался ее гость от оценивающего возгласа.

– Да, такая вот, обыденная.

Она скуповато улыбнулась ему, хотя в душе все рвалось и металось от желания выругаться.

Нет, ну почему именно сегодня им приспичило умереть?! Не могли до утра подождать, господа? Что за блажь такая, что за привилегия?

– Нормальная ты, Наташ. Более чем нормальная. – Никита подался вперед, вытянув руки. – В платье я тебя даже побаивался немного.

– Почему? – она послушно пошла навстречу его распахнутым рукам, уселась ему на колени.

– Такая неприступная вся. Высокая... – он вздохнул, потеревшись щекой о ее плечо. – Едва не выше меня.

– Комплексуешь?

– А как же! Мало того, что ты в должности и звании выше меня, так еще и ростом будешь выше! Непорядок, Наталья Евгеньевна. Непорядок...

Он начал снова целовать ее, отвлекая от происшествия, на которое ее только что вызвали. Но нельзя было отвлекаться, ёлки-палки! Надо было собрать все мысли в кучку, настроить себя на то, что вот сейчас, минут через двадцать, ей придется осматривать место происшествия, труп, накрытый чем-нибудь, дабы не смущать присутствующих...

Вот черти полосатые! Ну почему именно сегодня?! Да еще и за городом где-то! Тащись теперь туда, трясись в старой милицейской кибитке, мерзни, потому что печка барахлит. Потом смотри на очумевшие от потрясения и водки физиономии, опрашивай. А будет ли там с кем разговаривать? Может, все уже впопалку к этому часу, время-то уже за три перевалило.

– Ник, мне пора. – Наталья вцепилась в его ладони, которые тот положил ей на грудь. – Ты остаешься ждать меня или домой пойдешь?

– А тебе бы как хотелось? – он снова зевнул. – Если ты не против, я бы остался. До дома неблизко, я без машины, такси не поймать, а городской транспорт еще не ходит. Остаюсь?

– Валяй.

– А с тобой никак нельзя? – он попытался удержать ее за локоток. – Я же тоже работник прокуратуры. Что такого-то?

– Нельзя, – коротко ответила она.

Наталья чмокнула его в кончик носа, соскочила с его коленей и почти бегом в прихожую. Схватила с вешалки куртку, шапку, на ходу начала одеваться, захлопнув дверь. К выходу из подъезда последняя кнопка на куртке была застегнута, даже перчатки успела натянуть. На ступеньках пришлось минут десять потоптаться, пока машина подошла.

– Всем привет, – поздоровалась она с наигранной веселостью. – Всех с наступившим.

– Ага, наступил, что называется, – проворчал Вова Лесовский, пыхнув по салону машины новогодним перегаром. – Все люди как люди, а этим приспичило! Что конкретно, не знаешь, Наташ?

– Сейчас приедем и узнаем. Труп женщины. Вроде отравление.

– Нормально! – развеселился Лесовский. – Они водки обожрались, а мы едем! «Скорую» бы вызвали!

– Так врач «Скорой» и позвонил, – пожала она плечами. – Отравление вроде бы не водкой, а ядом.

– Оп-па! – он нервно завозился. – Сейчас приедем, там толпа народу. Все затолкли, изляпали, бабу отравили, а ты разбирайся, кто и за что! Это же полное... извините, господа.

Наташа с тоской уставилась в окно, за которым бесновалась новогодняя метель.

Лесовский прав. Народу наверняка много. Трезвых раз, два и обчелся. Начнут пытаться вспоминать, кто с кем танцевал, кто с кем выпивал, кто с кем уединялся. Наверняка напутают. Информации будет много, причем пустой и ничего не стоящей. Попробуй отыскать среди подвыпивших гостей отравителя.

Вот послал ей бог ночку! И это именно тогда, когда у нее начало что-то вырисовываться на личном фронте.

Как обидно, черт побери, как обидно! А Ник теперь, наверное, принял ванну, улегся на ее кровать и спит, разметав сильные руки по подушкам. Она ведь даже не знала сегодня, ожидая гостей, что ее подруга с мужем ей еще одного гостя приведут. Поступали какие-то намеки, и не более того. Она все отшучивалась и просила Деда Мороза с бородой и мешком подарков. А пришел добрый молодец Никита с бутылкой шампанского, пакетом апельсинов и тортом.

Ох, как она растерялась и обрадовалась. Как заколотилось у нее в груди, когда Светка ей на кухне шептала, что он давно уже просил ее познакомить с ней – Натальей. Что, мол, на работе к ней подойти невозможно. Строга и неприступна. А в быту, может, оттаит. Вот и оттаяла, да настолько, что забыла о приличиях и позволила ему залезть себе под платье. И оставила в своем доме малознамого мужика, и дожидаться вроде и не просила, а намек прозвучал в ее вопросе. А дождется ли он ее?...

Дом, куда они приехали, был огромным, очень красивым и очень дорогим. Высокий забор. Ворота и калитка на замке, домофон. Хотя одно утешает: посторонний проникнуть в дом не мог. Стало быть, если это не несчастный случай, а убийство, то преступник в доме.

Ладно, разберутся, что там и кто.

Врач «неотложки» курил на ступеньках, бесстыдно усыпая окурками дорогой мрамор. Хмуро с ними поздоровался, выразительно посмотрел на часы. Наталью его неудовольствие несколько не тронуло. Тоже еще пострадавший! У него, между прочим, дежурство, а вот у нее...

А у нее, может, личная жизнь только-только начала устраиваться, а кому-то тут отравиться приспичило. А кто-то еще недоволен тем, что ждать пришлось. Конечно! Мог бы сидеть себе в ординаторской, пялиться в ящик и тискать за коленки какую-нибудь сестренку медицинскую, а вместо этого ждет вот тут в метель. Приблизительно это сквозило из хмурых глаз врача «неотложки».

И он в пострадавших, скажите, пожалуйста! А она?! Она нет?! У нее, между прочим...

Господи, ну что она заладила, в самом деле! Личная жизнь, личная жизнь! Настраиваться она у нее начала! Могла бы давно уже и определиться к ее-то тридцати пяти годам, могла бы и с мужем жить, если бы не взбрыкивала в свое время. А то он начнет возмущаться тихо, что любимую супругу из-за праздничного стола выдернули, а она в психоз ударялась. И орала, как ненормальная: не нравится – до свидания! Не нравится – пиши рапорт!

Все думала, что он ее, такую мудрую, красивую и длинноногую, не оставит. Что так и будет терпеть всю жизнь и работу ее, и характер вспыльчивый, и полуфабрикаты в холодильнике, которые сам либо жарил, либо разогревал.

Ан нет, Наталья свет Евгеньевна, не выдержал ее благоверный. Сбежал к заместителю главного бухгалтера в фирме, где работал программистом.

Сбежал постыдно, поджав хвост, когда она на очередной вызов уехала посреди ночи. И не было-то ее всего полтора часа, не больше, а он все успел. Успел и вещи собрать, и одеться, и записку прощальную к холодильнику пришить. И даже постель успел заправить, умник!

Она потом поняла, что все заранее было подготовлено: и сумка с вещами упакована, и записка написана. Глодал лишь болезненный интерес: как долго зрело в нем это решение, когда он начал ей изменять с этой бухгалтершей? Не просто же так он посреди ночи к ней завалил с пожитками? Здрасьте, примите?...

Нет, конечно! Крутил интрижку, еще живя с ней – с Натальей. Бухгалтерша, видимо, начала деликатно насаждать, манить, зазывать. У супруги ума и интуиции не хватило все это вовремя почувствовать и среагировать. Это в работе она ас, каких мало. А в сердечных делах – дура душой. У нее под носом изо дня в день совершалось предательство, завершившееся бегством, а у нее даже и тени подозрения не возникло. Да и не вязались как-то личностные характеристики ее благоверного с человеком, способным на измену. А способен оказался, мерзавец, еще как способен! И ведь даже не позвонил ни разу после того, как удрал. Даже не извинился! А на развод додумался со своей бухгалтершей притащиться.

На соперницу Наталья почти не смотрела, первым молниеносным взглядом оценив, что засиделась тетка в одиночестве, ей все равно кого заполучить. В рукав куртки удравшего от Натальи мужа вцепилась мертвой хваткой. Так и ходила за ним, как близнец сиамский. Только раз лишь отпустила, когда тому в туалет приспичило. Рукав-то выпустить выпустила, но возле двери в мужской туалет торчала как телохранитель.

«Ну и ладно», – решила тогда Наталья, подписав все бумаги. – Живите долго и счастливо. Живите и размножайтесь». А она себе и не такого найдет, она же умница и красавица, она же состоявшаяся и самодостаточная! У нее хорошо оплачиваемая работа, квартира, машина.

Храбриться получилось лишь до порога собственной квартиры. Стоило его переступить, как слезы брызнули из глаз, будто на макушку надавил кто могучей железной лапой. Ревела очень долго и очень горько, как на маминых похоронах десять лет назад. Потом еще месяц нет-нет да всхлипывала. Затем понемногу начала успокаиваться, костенеть и работать, работать, работать на износ. Досрочно получила повышение по службе, кучу благодарственных представлений, а вот найти себе «еще и не такого» так и не получалось.

Светка ругалась, плевалась и шипела, что она себя на этой работе хоронит, что давно пора было бы и мужика себе завести, а уж если не хочет замужеством себя опять связывать, то хотя бы ребеночка родила.

– А как же я одна с ребенком-то, Свет? – недоумевала Наталья. – Что я ему скажу, когда он вырастет? Что папа был летчик или геолог? Как же, Свет?

– А так! Как все, так и ты! Знаешь, какое это счастье!!!

Она не знала и рискнуть не решилась, хотя детей любила очень. И продолжала пахать как вол. Год, другой, третий. Все как-то нормально шло, без особой радости и без особых разочарований. Уставала порой так, что наслаждалась своим одиночеством. Упивалась им, когда в выходной, если он случался, не нужно было никуда спешить, ни с кем не разговаривать, ни для кого не готовить, не стирать. А можно было просто валяться на диване с горой любимых журналов и пакетиком любимых пряников с начинкой и ничегошеньки не делать.

Упивалась...

А потом в один прекрасный момент вдруг – бац!

Моментом стать довелось дню ее рождения, тридцать пять ей тогда стукнуло. Гостей было в доме – не протолкнуться. В основном коллеги, конечно. Ну и Светка с мужем. Стол ломился от закусок и выпивки. Стены дрожали от смеха и песен. Она буквально на седьмом небе была от счастья: так все удалось. Все порхала, порхала, а потом вдруг – тишина! Когда все ушли и когда она осталась совсем одна, наступила такая тишина, что она даже уши тереть принялась, подумав, что оглохла. Кинулась мыть посуду, со стола Светка помогла все стаскать в кухню. Нарочно гремела так, что как фарфор выдержал – непонятно. Все равно, невзирая на грохот посуды, тишина давила. Она лопатками ее чувствовала – гнетущую, ледяную и плотную, обступившую со всех сторон, будто сугроб кто за спиной нагреб, пока она посуду мыла.

И знала, что никто не подойдет сзади, не обнимет за плечи, не уткнется губами в шею, не скажет: «Давай оставим все до утра». Так бывало у нее с ее бывшим мужем. Он подходил к ней сзади и тихонько целовал в шею, уговаривая бросить все к чертовой матери до утра.

Она злилась на него тогда, дурила. И язвила, что, мол, вместо глупых советов взял бы да перемыл все. Что утром ей будет, как всегда, некогда. Что она может и ночь недоспать и утро пропустить со своей работой. Тут он давал еще один глупый совет, мол, брось свою работу. И начиналось! Она злилась и фыркала, он обижался и замыкался в себе. Потом они дня два не разговаривали, затем мирились, а после... он ее бросил. И она осталась один на один с жуткой тишиной пустого неуютного дома. Начала вдруг прислушиваться к советам любимой подруги, только стало с чего-то казаться, что поздно уже все. Что молодость ее прошла, время упущено, что не нужна она теперь никому в свои тридцать пять лет, да и ребенка рожать поздно.

– Ну и дура ты, Наташка! – ругалась Светлана, ее жалеючи. – Люди и в пятьдесят рожают и жизнь начинают с нуля, а она в тридцать пять себя в старухи записала! Вы, Наталья Евгеньевна, немного того, зажрались! Молодая ты еще и очень красивая. Ты теперь даже лучше, чем в молодости. Правда-правда, есть такая категория женщин, которая к тридцатнику только расцветать начинает. Это про тебя!..

Она ей верила и ждала. Ждала и верила. Только все проходило как-то мимо. На пикник поедут толпой, там все парами. Пригласят холостых, так либо ростом ей по плечу оказывается, либо идиот круглый.

– Тебе не угодишь, – обижались сослуживцы, решившие во что бы то ни стало устроить ее личную жизнь. – Смотри, Наталья, засидишься в девках!

Она отмахивалась и все чаще и подолгу стала просиживать по выходным перед зеркалом. То седой волосок обнаружит, то морщинку новую, то цвет лица ей безжизненным покажется.

А потом у них в прокуратуре появился Никита. Симпатичный такой, заводной и не заносчивый. Женский состав, не охваченный узами брака, мгновенно вострепнулся, а Наталья, как-

то однажды внимательно оглядев его со спины и в профиль, со вздохом поняла: парень не ее романа. Слишком пригож для того, чтобы...

А он возьми и пристань к Светке: «Познакомь да познакомь. Сам, – говорит, – ни за что не осмелюсь, слишком горда и неприступна. Ее мужики боятся». А Светка ему: «Ты-то, – говорит, – не боишься». Он говорит: «Вроде нет, но первый шаг сделать все равно боязно». Вот и напросился с четой ее друзей к ней в гости встречать Новый год. И жгли глазами друг друга все то время, пока друзья не ушли. А потом все само собой получилось. Прямо как в кино про любовь. Закрыли за друзьями дверь, повернулись друг к другу и...

А потом раздался злополучный звонок. И что теперь будет, Наталья не знала и даже боялась себе представить. А Никита ей понравился.

– Ошибки быть не может? – пробубнила она в спину сердитому доктору, ведущему ее и всю группу к труп. – Точно отравление ядом? Может, водки паленой господа объелись? А что? Сейчас такие мастера, любую марку подделать способны.

– Вы не можете себе представить, как я был бы рад за вас, случись такой исход, – язвительно отозвался доктор, не оборачиваясь. – Но увы! Разочарую вас! Самый настоящий яд, цианистый калий!

– Это откуда же такая уверенность? Усопшая подсказала или отравитель?

– Зря вы так, – обиделся эскулап и чуть повернул голову в ее сторону. – Я в институте доклад готовил по ядам. Долго готовился, увлекло, до сих пор все самое новое из этой области собираю, в смысле сведения. Характерный запах у данного зелья имеется, запах горького миндаля. Может, я, конечно, и ошибаюсь, но вряд ли. Ладно, ваш эксперт – опытный товарищ. Он разберется...

Да плевать ей было на обиды доктора и тон, которым он ей все это выговаривал! Она его видит первый и, возможно, последний раз в своей жизни! Не плевать было на то, что не вернуться ей домой, по всей видимости, ни через час, ни через два. И Никита проспит в ее кровати в одиночестве и уйдет утром, не дождавшись. А ей предстоит работать, работать, работать, гостей-то в доме ого-го сколько, яблоку упасть негде.

Итак, господа хорошие, приступим! Кому же из вас помешала эта красавица, тело которой кто-то предусмотрительно накрыл чистой скатертью? Кто хотел, чтобы ее великолепные глаза, стеклянно-глазеющие теперь в накрахмаленную материю, закрылись навсегда?

Муж? Любовник? Соперница? Конкуренты?

Муж вряд ли. От такой красоты добровольно только дурак откажется. Так же и с любовником, пожалуй. Тот скорее мужа травить станет, чем любимую. Вот соперница могла запросто. И конкуренты, если дама предпочла ведению домашнего хозяйства бизнес какой-нибудь.

Да, надо прочесать все вокруг дома и осмотреть сантиметр за сантиметром сам дом. Откуда-то этот яд взялся. Отравитель – не дурак, склянку из-под зелья при себе держать не станет. А если в мусорку и выбросил, то отпечатки уничтожил. Это если он не дурак опять же.

Хотя на дураков никто из присутствующих не смахивал. Все сливочно-глянцевые господа и их спутницы. Все преуспевающие. Смокинги, запонки с бриллиантами, вечерние платья стоимостью – страшно представить какой, опять же блеск камней. Все пристойно, чинно, даже их потрясение. И все столпились возле дивана, на котором сидит, закрыв лицо ладонями, мужчина.

Уж не вдовец ли? Да, судя по всему, он единственный в одиночестве и единственный, кто подобным образом реагирует на происшествие. У остальных присутствующих неременная напарница и вежливый столбняк.

Нет, еще одна дама, кажется, без пары. Курит нервно одну за другой, хозяйски развалившись в большом кожаном кресле у окна. Может, она его жена? И они поругались?

Ладно, гадать нечего, надо начинать. И начинать надо...

– Господа, я хотела бы узнать, что здесь произошло?

Ах, как все пристойненько в их гламурном мире! Ах, как все правильно! Никто не загалдел, не начал жестикулировать, не стал переговариваться между собой. Вперед вышел невысокий мужчина с обширной лысиной. Представился хозяином дома, назвал Виктором Ивановичем, сказал:

– У нас страшное горе, Наталья Евгеньевна!

– Это что, ваша жена, Виктор Иванович?

Она решила начать цепляться сразу же. Почему нет? Они ей новогоднюю ночь испортили, а она что? Она не может быть добренькой. К тому же ей всегда доставалась роль злого следователя. Вовке Лесовскому – роль доброго, а ей злого.

– Тьфу-тьфу-тьфу, что вы! Упаси господи! – он суеверно перекрестился.

– Что так, Виктор Иванович? Покойная была ужасной особой?

– Помилуйте, что вы такое говорите?

Он смутился и примолк ненадолго, а лысина тут же покрылась крупными каплями пота. Как будто кто-то с мороза втащил в дом огромный бильярдный шар, и от тепла он...

Господи, ну о чем она думает?! Что в голову лезет?!

– А от чего же вас должен убереечь господь? – снова пристала она к хозяину дома.

– От такого страшного горя! Это же очевидно!

Вот тут по глянцевої толпе прокатился вполне обоснованный ропот недовольства. Это так господа гневаться изволили.

Приехала, называется! Пристает к приличным людям, вместо того чтобы просто установить личность погибшей и задать один-единственный вопрос.

А она его оставила на потом, как вам, господа хорошие?! Вы сегодня не дали ей завершить эту ночь по задуманному сценарию, и она вам оплатит тем же. Она станет говорить с каждым, и говорить жестко, едко, по-другому с ними было нельзя. Вероятно, и можно, но ей не хочется.

– Вы были с потерпевшей близко знакомы, Виктор Иванович?

– Нет. Никогда. Не скажу, что вижу впервые, но в такой вот обстановке – впервые.

– А где ваша жена, Виктор Иванович? У вас ведь есть жена?

Она устала гадать и спросила напрямую, потому что перекрестие взглядов двух женщин – той, которая курила в кресле, и той, что висела на его руке, очень ее насторожили.

– Моя жена? – капли пота на лысине высохли, будто кто их языком слизнул, и на ней появились красные пятна. – Моя жена... Она... Она вот... Вот в кресле, курит!

Раздался сдавленный вздох молодой женщины, что цеплялась за его рукав. Прямо как бухгалтерша за ее бывшего, честное слово. Она откачнулась от неверного, видимо, предавшего ее, сожителя. Всхлипнула неестественно громко, как-то неподобающе обстановке, потом отчетливо прошептала:

– Гадина лысая...

И убежала куда-то по лестнице на второй этаж.

А та дама, что сидела возле окна и курила тонюсенькие черные сигаретки, вдруг захохотала. Это было неприлично. Это поняли все, даже жестокосердная следовательша из прокуратуры скривила рот. Но даме, видимо, было все равно, что о ней подумают. Она нахохоталась, выудила из красивой коробочки очередную сигаретку, прикурила, затянулась и сдавленно промурлыкала сквозь затяжку:

– Спасибо, милый...

Интересно...

Ее самодовольный смех вывел из горестного клинча и вдовца, если это, конечно, был он. Ладони поползли вниз, руки упали на растопыренные коленки, невероятно красивое лицо мужчины казалось помертвевшим, но глаза при этом оставались сухими. Сухими и растерянными какими-то. И почему-то, когда Наталья вошла, он не сидел подле трупa жены, не рыдал,

не бесновался, он сидел на диване в окружении гостей Виктора Ивановича. Почему? Уже успел насидеться подле умершей жены? Его от нее оттащили и силой усадили на диван? Или он вообще не подходил к телу?

Интересно...

Одной из присутствующих явно было нехорошо. Она была сильно бледна и с трудом удерживалась на ногах. Ей бы присесть, но мест свободных почти не было. Кресло возле окна занимала жена хозяина. К стульям возле стола нельзя было подойти, не перешагнув через труп. На втором кресле громоздились какие-то коробки, может, подарки, может, еще что. Оставался наполовину свободным диван, где горевал вдовец. Мог бы и подвинуться, и усадить с собой рядом молодую женщину, которой было плохо. Мог бы, и труда ему это не составило бы, но...

Но спутник дамы, которой было нехорошо, очень крепко держал ее под руку. Наталья поклялась бы, что он своей хваткой даже делает той больно. Она подметила: как его рука шевельнется, так женщина вздрагивает и кривит губы.

Это что же? Не пускает на диван? Почему? Потому что мужчина, занимающий добрую его половину, теперь вдовец? Потому что тот – очень красивый вдовец? Или вообще желал держаться подальше от всей этой грязной истории с отравлением?

Интересно...

Еще одна молодая пара привлекла внимание Натальи. «Они не были мужем и женой», – почему-то сразу подумала она. И не потому, что на их безымянных пальцах отсутствовали обручальные кольца, а потому что вели себя эти двое очень уж странно.

Как шкодливые подростки вели они себя. Всех поочередно оглядывали, тут же делились мнением, шушукались беспрестанно, прыскали в кулаки. Что же их так могло забавлять? Поведение окружающих? Или их неожиданному веселью способствовал тот факт, что Вова Лесовский в туалете наткнулся на бычки с травкой? Кто они хозяину дома? Почему они здесь? Их возраст много ниже всех здесь присутствующих, чего тогда они тут забыли? Кстати, эта веселящаяся девушка похожа на одну из дам, здесь находящуюся. И почему она подмигивала вдовцу, стоило его ладоням сползти с лица?

Интересно...

– Господа, я попрошу вас пройти в соседнее помещение и ждать там. Я буду вызывать вас по очереди. Виктор Иванович, вы поможете гостям?

– Идемте в бильярдную, господа!

Хозяин призывно распахнул двери смежной комнаты, тут же подскочил к курившей возле окна жене, поправил бретельку на ее платье, прикоснулся к голому плечу губами и проворковал, не особо стесняясь присутствующих:

– Муся моя, следуй за мной, дорогая.

«Ладно, пускай ведет ее», – решила Наталья. Поговорит с ней позже. Женщина, похоже, не добрая и не в меру цинична, эта – если не замешана в преступлении – спуску никому не даст, по всем частым гребнем пройдет. И к ее информации надо быть подготовленной. Хотя бы узнать, кто с кем пришел и кто кому кем здесь приходится...

Пока она допрашивала гостей и хозяев дома, Вова с оперативниками из райотдела осмотрел весь дом и территорию вокруг него, насколько это позволяла сделать темнота приближающейся к финалу новогодней ночи.

– Чисто, – шепнул он ей на ухо удрученно. – Ничего! Ни пузырька подозрительного, ни пробирки, ни пакетика с остатками кристаллического вещества.

– Не умничай! – одернула его Наталья. – В мусорный контейнер заглядывали? В почтовый ящик, тот, что на заборе?

– Обижает! Первым делом. – Вова с сожалением осмотрел новогодний стол с закусками. – Сколько жарчки пропадает, а, Наташ?

– Ну-ну, хочешь рядышком улечься с погибшей, отведай, пожалуй, – она ухмыльнулась, провожая взглядом вдовца, разговор с которым оказался совершенно безрезультативным. – Никто ничего не видел, не знает, не слышал и не заметил. Все веселились, пили, смеялись, танцевали, и только! Никто никого не хотел отравить! Самое странное знаешь что?

– Что?

– Никто из гостей до последней минуты не знал, что погибшая будет здесь этой ночью. Вдовец собирался прийти один.

– Да ну!

– Вот тебе и «да ну»! Он сам сказал, что мотива убить ее ни у кого не могло быть. А если и был, то... То никто не мог знать, что она здесь будет. Значит, не мог заблаговременно запастись ядом.

– Он-то знал! – возразил Лесовский.

– Он знал, выходит, что он один только и знал. Зачем он мне тогда сказал об этом? И даже сказал, что ему другая женщина была приготовлена на эту ночь. Как думаешь, кто?

– Не знаю. Все вроде парами были.

– Все, да не все. Жена хозяина дома пришла одна.

– Пришла? Как это пришла? Она же хозяйка!

– Была когда-то! А теперь ее место молоденькая девчурка заняла, видал давеча, как вспыхнула, когда Виктор Иванович своей супругой назвал ту, которую сам же и выгнал.

– Выгнал? – эхом отозвался Вова. – Вот это треугольник! Может, ошибочка с отравлением-то вышла, а, Наташ? Может, эти две дамы, соперничая за лысого, друг друга хотели травануть, а попалась вот эта красотка?

– Может, ошибка, а может, и нет. Конечно, личную неприязнь этих двух соперниц со счетов сбрасывать нельзя, но... Не дает мне покоя спокойствие этого Кагорова.

– Это у нас вдовец?

– Он самый. Ну, такой уравновешенный. Такой стойкий. Его жена отравлена, а ему будто и дела нет. Знаешь, могу поклясться, что в тот момент, когда я поймала его взгляд, обращенный на покойную, в нем таилась брезгливость. И ничего более! Словно бы ему хотелось, чтобы она поскорее исчезла с глаз долой!

– Думаешь, он? – Вова недоверчиво покачал головой. – Глупо, Наташ! Он один знал, что придет с супругой, раз ему женщину приготовили на ночь. Он один тогда, выходит, мог заранее запастись ядом. Не голуби же почтовые его сюда поставляют, правильно?

– Мог быть запас и у хозяев дома.

– А чем им эта Кагорова помешать могла?

– Могла мешать и не Кагорова вовсе, а сам Кагоров. Могли желать отравить именно его, а она случайно попалась. Он что-то сумбурное нес насчет того, как все это произошло. Говорит, что был произнесен тост, собрались выпить. Все подошли к столу взять свои бокалы с шампанским.

– Шампанское пить собирались? Странно, под финал-то празднества. Обычно к этому часу уже все...

– Ты тоже обратил внимание на это? – Наталья одобрительно улыбнулась Лесовскому. – Я тоже! Спрашиваю, кто разливал напитки?

– И кто же?

– Не помнит! Говорит, что занят был. Спрашиваю, чем, кем? Жмет плечами и отвечает, что отвечать не обязан. Это, мол, его личное дело.

– Жена бездыханная, а у него личные дела. С кем это?

– Заметил парочку, что хихикала?

– Пара обкуренных придурков? – Вова кивнул, снова подошел к трупку, приподнял край скатерти, долго смотрел в широко распахнутые глаза, потом сказал: – Странно, Наташ. Такое

ощущение, что в ее мертвых глазах застыло удивление... Красивая женщина. Очень жаль, очень!.. Так что там с этими идиотами? Я ведь не удержался и карманы у паренька обшарил. Ну, думаю, если сейчас хоть крошку травы найду, все...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.